

18+

ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА

Смерть приходит на свадьбу

*...хрусткое сердце всегда
хранит тайну*

Лариса Васильева

Смерть приходит на свадьбу

«Издательские решения»

Васильева Л.

Смерть приходит на свадьбу / Л. Васильева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985889-4

Девушка с необычным для русского уха именем Нафиса выросла в бедном татарском селе. Случайно встретив Павла, блестящего молодого человека, покорителя женских сердец, влюбляется в него и пытается женить на себе. Он не любит ее и гонит прочь. Нищая девушка остается одна в большом городе. Она с трудом находит свое место в жизни. Но и у Павла с тех пор не все гладко, неприятности идут сплошной полосой, непорядочное отношение к женщинам заканчивается плачевно.

ISBN 978-5-44-985889-4

© Васильева Л.
© Издательские решения

Содержание

***	6
Дима	7
Павел	8
Нафиса	19
Павел	24
Дима	26
Нафиса	28
Ирина	29
Павел	30
Нафиса	32
Павел	34
Нафиса	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Смерть приходит на свадьбу

Лариса Васильева

Редактор Лия Щеглова

Дизайнер обложки Галина Березовская

© Лариса Васильева, 2020

© Галина Березовская, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-5889-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Ну, дорогая моя, уж это-то ты должна была знать... Кто поможет Бакире? Смелее, смелее... Что же вы притихли? – учительница оглядела класс и, вздохнув, повернулась к невзрачной девочке, сидящей за первой партой: – Нафиса, опять тебе придется выручать подругу.

Та вышла к доске. Рядом с высокой, крупной Бакирой тоненькая девочка с короткой стрижкой выглядела комично. Мальчишки сразу оценили этот контраст:

– Слон и Моська!

Обе девушки недоброжелательно переглянулись. Нафиса взяла мел и отвернулась к доске, но ее пунцовые ушки, выглядывавшие из-под коротких волос, выдавали смущение. Она быстро написала формулу.

– Молодец! Ты куда собираешься поступать? Тебе надо на физмат.

– А англичанка... Елена Павловна сказала, что ей надо на иняз... – вмешался парнишка с первой парты.

– В магазин она поступит, продавщицей. Заведующая уже говорила, что возьмет ее... – торжествующе заявила Бакира. – А я поступлю на хим-био, мне математика не нужна.

– А я в военное училище, там биология не нужна, – продолжил кто-то.

– Скажешь тоже – в военку... Потом всю жизнь будешь козырять. Нет уж, я лучше в физкультурный...

– А я мечтаю в театральное училище...

Урок математики стихийно перешел в обсуждение планов выпускников. Но участвовали в нем не все, многие уныло молчали: кто-то не хотел учиться дальше, кто-то пробездельничал десять лет и потому не мог продолжить образование, а кого-то родители не в состоянии были отправить на учебу.

Нафиса была в числе последних. Она не вслушивалась в шумные дебаты, глядела через окно вдаль, поверх кучи мусора за покосившимся штaketником школьного забора, на далекую линию горизонта. «Как я хочу уехать отсюда!»...

Павел

Павел сразу заметил высокую блондинку в другом конце вагона, пробрался поближе к ней и, когда поезд уже останавливался, заговорил:

– Девушка, вы будете сейчас выходить?

– Нет.

– А на следующей?

– Тоже нет.

– Как неудачно...

– Почему?

– Да мне надо выйти на этой станции, а пока я вас провожу и вернусь, наверняка опоздаю на лекцию.

– Молодой человек, вон тот мужчина с ребенком у выхода, – мой муж...

– Да вы что?! А такая симпатичная... Тогда мне пора...

Павел протиснулся к двери, выскочил из остановившегося вагона и ловко ввернулся в толпу у эскалатора. Поднимаясь вверх, он бездумно скользил глазами по лицам встречного потока людей. Его внимание привлекла симпатичная девушка. Черт, ну почему хорошенькие девушки вечно спешат в другую сторону?!

Наверху его встретил друг.

– Пашка, я тебя жду уже десять минут, ведь договорились сегодня не опаздывать... Зачем злить препода перед госэкзаменом?

– Да, понимаешь, такая курочка встретила. Мадонна! Пока обменялся с ней телефонами...

– Горбатого могила исправит... На фиг тебе телефоны всех встречных курочек?

– Антон, ты не понимаешь... А если это судьба?

– Не смей меня, бабник... Какая там судьба, у тебя же все девицы ростом выше метра семидесяти и с крашеными волосами – мадонны.

Дима

Дима разлил остатки водки по стаканам:

– Ребята, давайте за тех, кто остался в Аргунском ущелье....

Все выпили, помолчали.

– Вот вспоминаем друзей, а меня совесть мучает за Рекса. Помните Рекса? Какой был пес...

– Чего тебя-то совесть мучает? Пусть она мучает тех, кто оставил нас там без жратвы. Сволочи...

– Жалко его, умный был пес... Понял, что пришли убивать его... До сих пор вижу его глаза.

– Черт, надо было еще одну бутылку взять.

– Да брось ты, Димка! Что собака – сколько там ребят осталось хороших.... Ты вот что, давай перебирайся к нам. Мы тут решили свое дело организовать...

– Какое дело? Я, Андрюха, умею только стрелять.

– Фигня, научись. Мужик есть хороший, поможет, он сам когда-то воевал. Сначала с ним поработаем, потом сами с тобой вдвоем потянем.

– А что за дело-то?

– Потом расскажу...

Как порою удивительно, необъяснимо соединяет жизнь самых разных людей. И расстояния не мешают. Чаще их притягивает друг к другу любовь, но порой и ненависть...

Павел

– Нет, – горячился Павел, – только «mitsubishi лансер». Ты только сравни, кто производитель, какая фирма, они ведь на рынке уже сколько лет!

– Да что ты говоришь! – возмутился Антон. – Если смотреть на фирму, так надо брать только «форд-фокус». Это же арифметика!

– Твой «фокус» клепают под Питером, во Всеволожске, это все равно, что покупать наши «жигули», качество будет то же самое, А «mitsubishi» собирают в Японии.

– Это ты так думаешь... Зато у «форда» проблем с запчастями не будет.

– Лучше, чтобы проблем вообще не было. А у «форда» они частенько возникают с антиблокировочной системой.

– Почему же за ним тогда очередь?

– Ну да, и это тоже... На мой взгляд, очередь – не плюс: будешь ждать свой «фокус» 10 месяцев, и это только официально, еще столько же протянут неофициально. Как всегда, у них возникнут форс-мажорные обстоятельства, а залог ты уже внесешь. Пока ты получишь машину, я на своей уже полгода буду ездить. Кондиционер, надувные подушки, гидроусилитель, преднатяжители ремней безопасности – я категорически за «лансер».

– Ну не знаю... – морщил лоб Антон, – «форд» за двенадцать с половиной тысяч долларов... Согласись, купить машину такого класса – это, что ни говори, здорово.

– А бензина сколько жрет?!

И разговор перешел на новый виток. Потом приятели занялись сравнением вариантов покупки машины: что лучше – брать в кредит или в рассрочку? Обоим ужасно нравился этот разговор. Обсуждать будущую покупку машины – круто. Их радовала сама возможность говорить об этом с полным на то основанием, не то что в студенческие годы, когда они так же горячо обсуждали модели дорогих гоночных машин. Тогда это были теоретические рассуждения, а нынче молодые люди действительно собирались покупать машины, в рассрочку, и потому при выборе модели исходили уже из своих реальных возможностей. Служащие солидной фирмы, они могли себе позволить подобные покупки. Всего два года назад они были студентами, а теперь – инженеры, можно сказать, элита. Кому-то их зарплата уже сейчас покажется большой, кому-то – еще до смешного маленькой, но оба верили, что это только начало, испытательный срок, что все у них впереди: и шикарные машины, и особняки... А пока можно было купить в кредит «форд-фокус».

– Да, было бы здорово отправиться летом на своих машинах на море, по дороге подобрали бы каких-нибудь девочек... Представляешь, этакая мадонна голосует на дороге... – мечтательно закатил глаза Пашка. – Эх, торопишься ты, Антон... Вместо этого придется тебе возиться с ребенком, с женой...

И еще не женившийся Антон уже позавидовал холостому Пашке. Как тому всегда удается избегать опасных моментов в отношениях с девушками? На минутку Антон забыл, что ему самому кроме Оли никто не нужен и что это он сам никогда не хотел встречаться с другими девчонками. Но сейчас он завистливо покосился на Пашку: удачлив, черт... И на работе его повысили раньше, и в Самару, в филиал фирмы, отправляют Антона, а Пашку оставляют в головном офисе... Возможно, это легкое чувство зависти и сыграло в дальнейшем свою роль в судьбе Пашки.

* * *

Друзья ехали в далекое татарское село. Антон еще на первом курсе влюбился в свою сокурсницу, и вот два друга отправились сватать ему невесту, больше тянуть со свадьбой было нельзя: Оля была в положении.

Парни сошли с поезда на маленькой станции посреди приволжских степей. Выгоревшая, пожухлая трава, несколько пыльных акаций. Недостроенное здание вокзала: хотя с одной его стороны уже действовал зал ожидания, с другой же, с торца, оно обрывалось незавершенной кирпичной кладкой. Ветерок донес неприятный запах от уличной уборной, кирпичной, но без крыши, с облупившейся местами штукатуркой. К ней вела протоптанная тропинка. Ну и дыра! К приехавшим подошел помятый мужичок.

– Жених, что ли?

От него пахло перегаром. Худой, сутулый Антон, выглядевший совсем мальчишкой, застенчиво шагнул вперед:

– Жених...

Мужик протянул руку:

– Я сосед Степаньча, он попросил меня встретить вас. Гриша меня зовут. Пошли, вон моя машина, – он махнул рукой в сторону старой разбитой «Нивы».

Ребята влезли в машину, невольно переглянулись: после бесконечного, длинного разговора о преимуществах «Форда» и «Митсубиси» эта развалюха ужасала. Ведь у обоих перед глазами так и стояли сверкающие игрушки настоящих мужчин.

Долго ехали сначала по разбитой асфальтированной дороге, потом по грунтовке. Однообразный скучный пейзаж... Только начало лета, июнь, а вокруг выгоревшая степь, изредка чахлые деревца – остатки бывших лесополос вдоль дорог. За последние годы их явно никто не обновлял...

Наконец какое-то разнообразие – впереди показался поселок. «Нива» проехала по насыпи меж двух почти высохших прудиков с мутной, черно-зеленой водой, с плоскими заиленными берегами, сплошь покрытыми засохшими ямками от копыт коров и овец. Камыш, домашние утки, перья на темной воде...

Въехали в поселок, в нем всего-то и было две улицы, пересекавшиеся в центре крестом. У перекрестка почта и магазин смотрели друг на друга грязными стеклами близко посаженных глаз-окон. Такие же маленькие, как и соседние дома, они отличались от жилых домишек только своими вывесками и решетками на окнах. Колея петляла по широкой улице. Ребята глазели по сторонам: голые дворы, одинаковые дома, обложенные белым силикатным кирпичом, причем почти все с крупными трещинами – то ли здесь просадочные грунты, то ли их строили без всякого фундамента. Пусто, тихо...

Остановились у самого, пожалуй, лучшего дома: забор тут был поцелее, и во дворе торчала пара деревьев, даже имелась клумбочка под окнами с полусохшими цветами. Сам дом довольно большой: узкий, всего на два окна, но протянувшийся далеко во двор. Антон и Пашка переглянулись, вылезая из «Нивы»: да, чего только ни увидишь... Живут же люди...

Калитка приоткрылась, высунулась девочка лет десяти, увидела их и метнулась назад с криком: «Приехали! Приехали!» При этом куры, бродившие по двору, испуганно разлетелись. Вошли во двор, Пашка впервые попал в такое село, он с удивлением оглядывал пустой двор с единственным кустом пропыленной сирени у высокой горловины бассейна с питьевой водой. На крыльцо из дома вышли двое, явно родители невесты. Мать, полная симпатичная женщина, смущенно теребила край фартука.

– Проходите, гости дорогие, – нараспев протянула она.

– Стой, мать, не торопись... Нехай, как положено, сватаются, чай, не каждый день дочку замуж отдаем... – отец говорил неторопливо, веско.

Его мясистый нос с красными прожилками поблескивал на солнце. Белая рубашка на животе расстегнулась, и проглядывало волосатое пузо. За ними уже весело толпились какие-

то люди: собралось посмотреть на бесплатное представление. Антон подтолкнул Павла локтем – давай, мол, это твое дело, для того и приехал сюда. И Пашка шагнул вперед, набрал побольше воздуха и произнес:

– Здравствуйте, люди добрые! Прослышали мы, что есть у вас товар на продажу, вот и приехали посмотреть, прицениться... – выдал эту обязательную белиберду и вытаращил глаза, словно сам от себя не ожидал такого. – Издалека приехали...

– Товар есть, да не про вашу честь...

Пашка опешил – вот те на... Что же теперь говорить-то? Кроме «ваш товар – наш купец», никаких других заготовок у него не имелось. От волнения он принялся приглаживать волосы. Ну что же, надо импровизировать:

– Не торопись хозяин, посмотри, каков у нас купец: и собою хорош, и учен, и доход у него приличный, и хоромы имеются – особняк трехэтажный, общежитием называется. А перспективы вообще замечательные, это просто, как арифметика...

– Да, купец ничего, – улыбнулась мать.

– А вот товар-то мы еще не видели, пустите нас сначала посмотреть, может, мы еще и передумаем покупать. Подсунете залежалый какой-нибудь... – вошел в роль Павел.

– Залежалый?! Да моему товару еще вызреть нужно, цена от того только вырастет... – всерьез возмутился отец.

Антон испуганно толкнул локтем Пашку, а тот придержал его рукой: не волнуйся, все будет в порядке.

– Так товар у вас какой? Скоропортящийся: чуть протянешь, передержишь, и все, спрос на него упадет.

– Что это там у вас упадет, не понял? – грозно насупил брови отец. – Коли у вашего купца спрос падает, так и свататься нечего.

– Нет, у нашего купца со спросом все в порядке, крепкий, э-э-э... большой... в смысле – высокий у него спрос, – (Антон при этих словах Павла залился краской). – Но ведь и предложений на рынке много. Спрос рождает предложение – закон рынка. Это же простая арифметика, – Павел от волнения приглаживал волосы на макушке и всюду вставлял свою любимую «арифметику».

– Да хватит вам рынок обсуждать, заходите уж в дом, – не выдержала хозяйка.

– Вот спасибо, хозяйюшка, хоть напиться дайте с дороги, во рту все пересохло.

– Ну ладно, проходите, – уступил дорогу отец невесты, – поглядите на наш товар.

Парни протиснулись в комнату, их встретил дружный визг девчат: за накрытым столом сидели молодые девушки. Пашка не сразу разглядел среди них Олю, невесту друга.

– О-о! Да мы на склад, что ли, попали? Тут у вас товару – торгуй да торгуй! Пора уж распродажу устраивать...

Пашка задержался у входа, а Антон тут же прошел к невесте. Оля сама сдвинула с соседнего стула какую-то девчонку, усадила любимого рядом. Павел опять провел рукой по волосам, растерянно замер, потом вспомнил о подарках: принялся выставлять на стол бутылки: шампанское, водку, вино, коньяк, выложил пару коробок конфет.

– О! Вот это дело! – хозяин просветлел лицом и сам в ответ поставил несколько бутылок на стол. – Садись и ты, сват. Ну-ка, девчата, посадите парня. Выбирай, какая больше нравится, к той и садись.

В этот момент Пашка никого не смог бы выбрать, сейчас все девчонки казались ему одинаково симпатичными: улыбки, зубки, волосы блестят, глаза сверкают. Да и какое там «выбери»: комната была небольшой и битком набитой людьми, все сидели вокруг стола тесно, плечом к плечу, пройти вдоль стен невозможно, разве что влезть на тумбочку с телевизором... Тут, дай Бог, вообще к столу пробиться. Но кто-то встал, уступил ему место, и сват присел рядом

с Антоном. Как-то расселись и остальные гости. Мужчин было мало, все больше девушки, тетки, бабки.

– Мальчики, вы бы сняли пиджаки, жарко у нас, а выпьете и вовсе спаритесь, – мать невесты ласково и добродушно смотрела на них.

– Мы не пьем... – но все же ребята послушно сняли и повесили свои пиджаки сзади, на спинки стульев, – тут было очень жарко.

Они с Антоном в своих парадных костюмах выглядели в селе инопланетянами. «Было большой ошибкой надеть в эту поездку новый костюм», – подумал Павел. Обязательно какая-нибудь сволочь схватится за пиджак жирными руками или тетка, подавая горячее, обольет соусом... В тесноте по-другому быть не может. Да и кто тут может оценить темносиний, с едва заметной искрой цвет?

Хозяин налил рюмки и поднял свою:

– Ну что, давайте, гости, выпьем за сделку! – он споро опрокинул в рот свою рюмку и, не закусывая, повернулся к Павлу: – Э-э-э! Сваток, так дело не пойдет, ты что это рюмку отставил?

– Все, я выпил.

– Как это, «выпил»? А что же это рюмка полная осталась? Нет, давай до дна. И жених тоже, должны мы видеть, что ты за гусь.

– Я не пью.

– И я...

– Да вы что, такие мужики здоровые, а ломаетесь, как красны девицы?! Иль больные?

Худому, сутуловатому Антону определение «здоровый мужик» совсем не подходило. Павла еще куда ни шло, можно было так назвать – высокий, плечистый, довольно накачанный.

– Оставь ты их, – вмешалась хозяйка, – не пьют мальчики, вот и хорошо.

– Нет, так не годится, – уперся хозяин. – Хочу знать, что они за люди. Известно, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Если им скрывать нечего, то пусть выпьют.

Похоже, он уже хорошо приложился к бутылке до приезда гостей и теперь с пьяным упорством заставлял гостей выпить. Антон послушно опрокинул рюмку. Пашка, чтобы хозяин отстал, тоже проглотил водку и передернулся. Ну и гадость!

– Ну вот, молодец, вот это по-нашему. Давай и мы, Гриша, догоним гостей.

– Да вы с Гришей уже надогонялись, впереди всех бежите...

– А что нам? На то оно и сватовство, да, Гриша? – обернулся Степаныч к своему соседу, маленькому худому мужичку, который привез сватов.

Тот радостно закивал и потянулся к бутылкам. Гриша хорошо помнил, кто что пил, и быстренько вновь наполнил рюмки.

– Давай, сваток, покажи нам, на что ваши способны.

– Опять?!

– Давай-давай, что ты за мужик, если тебе одной рюмки много...

Пашке пришлось выпить еще одну рюмку, у него сразу зашумело в голове. Антону тоже налили – и жених не отвертелся. Хозяин все не отставал, подливал и подливал им, с непривычки гости захмелели.

– А что ты, Павел, не женат?

– Нет, – пьяно качнул головой Пашка.

– Неправильно, нехорошо... Сват должен быть женатым. Ошибку вы сделали. Ну ничего, мы это сейчас исправим. Выбирай себе невесту, видишь, сколько девок у нас сидит.

– Вон, пусть мою Фиску возьмет, – вмешался Гриша.

– Точно, ей пора замуж, да Пашка и сам ее приметил, не зря же к ней подсел. Так, Паша? Не зря подсел к девке?

– Что? – Павел никак не мог понять, о какой Фиске идет речь, рядом с ним с одной стороны сидел жених, с другой – подросток, мальчишка.

Антон услышал этот разговор и тихо засмеялся, он-то хорошо знал Пашкин стандарт для девушек: рост не менее метра семидесяти пяти, грудь размером не менее «С», а попа такая, чтобы было на чем руке задержаться, если случайно соскользнет с талии. Этого воробышка – Фиску, девушку сидящую рядом с его другом, – даже представить невестой красавчика Павла было невозможно.

– Фиска, тебе Паша нравится?

– Нравится, – мальчик рядом с Павлом застенчиво кивнул головой.

– Это девушка? – удивленно бормотал Павел, он уже совсем опьянел. – Это мальчик...

Парень спьяну никак не мог понять, как этот мальчик может быть девушкой. Рассматривать в упор сидящую рядом с ним и чуть откинувшуюся назад Фиску ему было несподручно, но то, что впереди у нее практически ничего нет, он разглядел.

– Она же еще маленькая, – вслух сообразил он.

– Нет, моя Фиска не маленькая, ей уже двадцать два, пора замуж. Это порода у нас такая.

– Маленькая собачка до старости щенки... – поддержал Гришу хозяин.

– А волосы? Нет, мальчик... – пьяно упирался Пашка.

– Так постриглась, была коса, а она вот взяла и постриглась.

– Это парикмахерша испортила, криво постригла, пришлось под мальчишка, – соврала Фиска. С ее прической была отдельная история, вслух ее не расскажешь.

– Фиса, соглашайся, выходи за него, – закричал кто-то громко с другого конца стола, – хороший парень, непьющий.

– Вам бы только непьющий... А чем плохо, что мы пьем? Да, Гриша?

– Да, – тот мотнул головой.

– Мы и пьем и работаем... Потому нас директор совхоза и уважает... Жизнь у нас такая, без водки никак.

Павлу стало беспричинно весело, хотя он уже ничего не видел, все плыло перед глазами. Гости начали петь, и раздухарившийся сват иногда громко вставлял знакомую строчку – подпевал, а в промежутках между песнями все пытался подцепить на вилку кусок помидора, но тот ускользал от него. В поезде ребята ничего не поели, думали, здесь их сразу накормят, однако, оказалось, хотя на столе и полно еды, но есть некогда, все время приходилось пить и петь. Закусывать они не успевали. Тетки пошли отплясывать, а Пашка боялся шевельнуться, он чувствовал, что вертикальное положение удержать не сможет. Мир уплывал от него и лишь время от времени вдруг приближался вплотную какой-нибудь уродливой рожей. Пашка мог только кивать, соглашаться, а вникать в происходящее он уже был не способен. Кто-то спросил:

– Так тебе нравится Фиса?

– Нравится, просто мадонна... – согласился Павел, он как-то угадывал, когда обращались к нему и, хотя лиц спрашивающих не мог рассмотреть, послушно отвечал.

– Женишься?

– Женюсь, – голова у него сама утвердительно качнулась.

– Гришка, готовься, завтра у тебя будем гулять. А осенью свадьбу справим, две сразу.

– Я осенью не могу, у меня командировка, – вдруг вспомнил Пашка.

– Так мы сейчас свадьбу справим, чего тянуть? Вот, считай, сегодня посватался, а завтра будем свадьбу гулять. Хадия, иди, готовься.

– Ой, так сразу? – вскочила маленькая худенькая черноглазая татарка с сеточкой мелких морщин вокруг глаз.

– Это кто? – не понял Паша, ему хотелось лечь, заснуть, голова у него сама собой то и дело падала на грудь.

– Это моя мама, – пискнула где-то рядом Фиска.

После этого Павел уже больше ничего не помнил, по-видимому, кто-то вывел его из-за стола, отвел в соседнюю комнату и уложил на кровать.

Проснулся он только утром, в голове шумело, стоило пошевелиться, и вся комнатка поплыла. С трудом встал, выбрался на улицу, там во дворе уже стоял накрытый стол, и вся компания почти в том же составе сидела за ним.

– О, вот и Павел! Ну ты молодец, не подвел, не посрамил, давай, полечись.

Отец невесты, Степаныч, уже шел к нему с рюмкой.

– Нет-нет, что вы! – шарахнулся Пашка, – я больше не могу!

– А кто может? Никто больше и не будет, это чтобы не тошнило. Тошнит, ведь?

– Тошнит...

– Давай, быстро, одним махом, – он чуть ли не насильно сунул рюмку в руку Пашке и сам же его руку поднял.

Пашка вздохнул, поискал глазами Антона, но тот не мог ему помочь, похоже, он уже напихмелялся, его голова лежала на плече Оли, глаза были закрыты. «Черт с ним, – решил Павел, – выпью, как-нибудь до вечера продержимся, а ночью – обратный поезд, кончится этот кошмар». Он выпил. Сразу стало легче, следующую рюмку он проглотил, уже не сопротивляясь.

– Где тут у вас можно умыться?

– Ступай за дом, там рукомойник на столбе висит, мать уж налила свежей воды. И полотенце на гвозде.

Павел поплескал холодной водой в лицо, эх, сейчас бы в душ ледяной, но... за ним уже шел хозяин:

– Ты что тянешь? Там тебя все ждут, рука устала рюмку держать.

Народу за столом прибавилось, гости громко и весело переговаривались.

– Павел, там Хадия стол накрывает, сейчас туда пойдем, – сказал кто-то.

– Какая Надя? – не понял Паша.

– Не Надя, а Хадия, мать Фискина... Твоя теща.

– Вот так арифметика! – удивленно присвистнул Пашка, как это так получается: свататься приехал Антошка, а теща появилась у него?

Он не понял, зачем еще идти куда-то, в этих старинных русских обрядах сват ничего не смыслит. Похоже, от него этого и не требовалось, только пей и пей. «Ну, Антон, вот подставил, так подставил...». Жениху надо было брать с собой не его, а Руслана, тот бы тут всех перепил, здоровый, чертяка. Рост под два метра и весит соответственно. Руслан единственный из его друзей, кто мог запросто выпить бутылку водки, но, в принципе, и он не был любителем спиртного.

– О, вот и Фиса! Давай сюда, подсаживайся к своему жениху.

Павел увидел, как во двор вошла худенькая девушка, подстриженная под мальчика, в короткой измятой юбке и полинявшей футболке. «Это она вчера сидела рядом со мной...» – сообразил он. Ему никогда не нравились худосочные, на его взгляд, недоразвитые девушки. Ни груди, ни ног, ни попки... На таких он и не смотрел. Его Лена была в два раза крупнее этой чернявой Фиски. И имя какое-то собачье или кошачье. Помириться с Ленкой, что ли... Как сравнишь ее с такой вот Фиской, так сразу простишь роскошной красавице все выкрутасы. Да, его Елена – мадонна...

Фиса робко, смущаясь под взглядами всех сидящих за столом, прошла через пустой двор. Но, хотя она и зарумянилась, села рядом с Павлом.

– Отличная пара! – все одобрительно зашумели.

Господи, что они несут?! Какая пара? Что-то смутно вспомнилось: как вчера его собирались женить на Фиске. Ну и невесту нашли! Да на такой он в жизни бы не женился! По своей

воле и рядом бы не сел. Но сейчас Пашка промолчал, не стал обижать эту черноглазую... И так Бог обидел девушку – ни впереди, ни сзади...

Ему еще налили, и вскоре стало весело, даже Фиска показалась симпатичной. Она сидела рядом, молча подсовывала ему на тарелку молодых огурчиков, касалась своей рукой его плеча. В какой-то момент он обнаружил, что сидит уже и без рубашки, а Фиска прижалась к нему голым плечом и своей стриженной головкой. И он обнял ее.

Стало жарко, солнце было уже высоко, тень от одинокого деревца съежилась. Наверно, Павел чуть-чуть вздремнул, очнулся, только когда все стали подниматься из-за стола

– У меня же поезд, – вспомнил он, сейчас бы пойти и заснуть, проспаться перед дорогой, но все зашумели вокруг:

– Успеешь ты на свой поезд, дядя Гриша отвезет...

– Отвезу, – пьяно махнул головой Фискин отец.

Фиска была все время рядом с ним, она потянула его за собой. Павел слабо сопротивлялся. Все вышли за ворота и сразу свернули в соседний двор. Домик тут был совсем маленький, треснувшие стекла в окнах заклеены скотчем. Посреди двора стоял накрытый стол, вдоль него деревянные скамейки, застеленные домоткаными половиками. На столе плов в глубоких тарелках, лапша, мясо и овощи, какие-то лепешки. И опять много бутылок, только теперь не было ни коньяка, ни вина – только водка.

Пашку с Фиской усадили во главе стола, кто-то принес и прицепил ей на голову короткую фату. «Какая-то пародия на свадьбу», – подумал Пашка. И тут вдруг вспомнил, ему рассказывали, как на русской свадьбе дурачатся: наряжаются цыганами, какой-нибудь мужик рядится невестой, а тетка – женихом и в таком виде, в сопровождении фальшивых цыган, парочка разгуливает по улицам. Но это на второй день настоящей свадьбы, а ведь у Антона еще не было свадьбы, это только сватовство...

Странно, но все относились к своим шуточным ролям очень серьезно, мать Фиски заплакала.

– Не плачь, Хадия, твоей Фиске повезло... – успокаивала ее какая-то тетка.

Старая, сморщенная бабка запела тягучую песню на незнакомом языке. Старуха напоминала высохшую мумию, а голос у нее был сильный... Фиска молча сидела рядом, опустив глаза. Вскоре, после пары рюмок водки, которую и водкой то назвать было нельзя, Пашку все происходящее перестало удивлять.

– Что это за водка? – только и спросил он Фиску.

– Самогонка.

– Горько, – закричал кто-то.

Действительно, горько и не просто горько, а отвратительно, тошно и дурно. О, Господи, не думал, что когда-нибудь попробует такую гадость. Фиска потянула его за руку, мол, вставай. Он поднялся, не понимая, чего ей надо. А она встала на цыпочки, пригнула его голову к себе и поцеловала в губы.

Павел не помнил, как его провожали, как посадили на поезд. Очнулся ночью, с трудом сообразил, где находится. Неужели среди всех тех пьяных людей нашелся трезвый человек, который не забыл, что ему пора уезжать?! Поразительно. С трудом нашупал свои туфли, вышел, запомнил номер купе. Иначе после туалета он не нашел бы свою дверь. Вернулся, упал на свое место и проспал до утра.

Проснулся от неудобства, нога у него затекла, какой-то мальчик почти сидел на ней, прижавшись к нему спиной. Стоило только Паше пошевелиться, как этот подросток повернулся и Фискиным голосом спросил:

– Павлик, хочешь чаю?

– Хочу... – ответил Пашка.

Девушка вскочила и выскользнула из купе. А Павел вдруг покрылся холодным потом. Что здесь делает эта Фиска?! Неужели весь этот бред со свадьбой – правда?! Через минуту Фиска вернулась с чаем. Соседние места были свободными, но она опять села на его полку и по-прежнему прижалась к нему худой спиной. Пашка молча отодвинул ее и спустил ноги вниз, Фиска послушно пересела напротив. Хлебнул чаю, но его замутило, он вновь улегся и задремал. И только когда в купе посадили попутчиков, окончательно проснулся, но вставать не стал, отвернулся к стенке. Он лежал и слушал, как соседи спрашивают Фиску, а она рассказывает, что едет со своим мужем, что они только что поженились, что ему нездоровится. Потом она вместе с мужиком-попутчиком стала разгадывать кроссворды. Девушка часто и весело смеялась, без конца упоминала своего мужа – Павла, и это начинало его ужасно злить. В конце концов он не выдержал и неуклюже вывалился из купе, поманив Фиску за собой. Она покорно вышла следом.

– Ты что болтаешь? Какой я тебе муж?

– Так свадьба же была.

– Ты что, совсем дура? Какая свадьба? Пьянка и все... Разве я тебе что-нибудь обещал? Я тебе говорил, что люблю и все такое?

– Нет.

– Чего же ты меня мужем называешь?

– Так свадьба же была...

Тьфу, Пашка плюнул со злости.

– Тогда чего ты с ними хихикаешь?

– А что?

– Если ты моя жена, нечего глазки другим строить.

– Я не строю... – она невинно смотрела на него, вытаращив и без того круглые черные глаза.

Словно не понимает, что воспользовалась его состоянием, что это они его там напоили, всей деревней заставляли пить вонючий самогон, а потом, не спросив его согласия, объявили их мужем и женой. Дьявольское сочетание невинности и хитрости.

– Ты куда едешь?

– С тобой... Жена ведь твоя...

– Ты мне не жена, я с тобой в загсе не был! – сказал, а сам испугался: вдруг забыл, может, их уже расписали?

– Это ничего, все равно я твоя жена.

– Какая жена? Ты что несешь?

– Жена...

– Ты что ко мне прилипла? Я тебя звал с собой? Чего ты поперлась? Сейчас же выйдешь на ближайшей станции и вернешься домой, ясно?! Вот такая арифметика.

– Нет, не вернусь, я с тобой поеду... Теперь я твоя жена.

И его так взбесило это тупое упорство, что он, не размахиваясь, коротко и резко вlepил ей пощечину. Она только взмахнула своими тоненькими ручками, отлетела на пару метров по коридору и осела на пол. Схватилась за щеку, из ее глаз потекли слезы, а она, не отрываясь, смотрела на него. Щека под рукой покраснела.

– Черт! – выругался Павел: какой стыд – ударить девчонку!

Пашка никогда раньше на девушку руку не поднимал, но, с другой стороны, и с ним никто так еще не поступал. Он не ожидал, что получится такой сильный удар. Покачиваясь, бросился к Фиске, наклонился, чтобы поднять ее, и сам чуть не упал – голова закружилась. Он все еще не протрезвел, его мутило. Упершись головой в стену вагона, он одной рукой легко поднял девушку. Боже, как цыпленок! Даже в таком состоянии он понял, насколько она невесома.

– Извини меня... – прошептала девушка.

– Нет, мне нельзя пить, совсем не соображаю, что делаю... – и двинулся к туалету.

Так, не надо глупостей, не надо паники. Скоро поезд придет в Москву, и он тут же купит ей обратный билет и отправит домой. Все, инцидент будет исчерпан. Эту девушку он практически не знает, мало ли кому втемяшится какая-нибудь глупость... Надо же, придумала – муж...

Пашка умылся, на него из забрызганного туалетного зеркала глянуло незнакомое лицо с красными, опухшими глазами. Бледное, небритое, несчастное. Нет, это не он, не может человек так опуститься за пару дней. Когда он мылся последний раз? В Москве, дома... О, больше никаких услуг друзьям...

Павел вернулся в купе, Фиска лежала на верхней полке, отвернувшись к стене. Попутчики зло посмотрели на него, они поняли, что между молодыми что-то произошло, девушка вернулась в слезах. Паша взял свой пиджак, достал бумажник. Так, паспорт, проездной, визитки... Где же деньги? Он всегда брал с собой некоторую сумму, неприкосновенный запас, столько, чтобы хватало на обратный билет, мало ли что может случиться в дороге: вдруг отстанешь от поезда, или автобус сломается... Сейчас денег не было. Кто и когда их вытащил, неизвестно. Сам он последний раз держал в руках свой пиджак два дня назад, когда они вошли в Олин дом. Он помнил, как снял его и повесил на спинку стула. Потом сплошной провал в памяти. Спасибо, что кто-то принес его в вагон. В брюках нашлось несколько смятых купюр, так, ерунда, только на такси до дома. Хорошо, хоть мобильник сразу сунул в карман.

– Фиса, где деньги? – на всякий случай спросил он.

– Какие деньги? – повернулась она, одна щека у нее была красная.

– У меня в пиджаке, в бумажнике были деньги...

– Билет мне купили...

– А... Ну да, конечно...

Мог бы и сам сообразить. Ну что же, отправит ее на следующий день. Завтра утром ему обязательно надо быть на работе, а вечером он съездит на вокзал, купит ей билет и отправит восвояси.

Фиска снова отвернулась к стене. Потом она устала так лежать, повернулась на другой бок и молча тарашилась в окно, изредка боязливо поглядывая вниз на своего «мужа». Она проголодалась, но боялась спуститься. Наконец не выдержала и предложила ему поесть, но Пашку замутило при одной только мысли о еде. Фиска одна неловко пожевала свои домашние припасы. Угощать попутчиков, видно, побоялась, покосилась только на Пашку. К ночи поезд прибыл в Москву. Из-под нижней полки девушка достала большую дорожную сумку, и Пашка, вздохнув, потащил ее. «Похоже, Фиска собралась капитально, наверно, все, что у нее есть, забрала с собой...». Не прощаясь с попутчиками, Паша первым вышел из купе, а Фиска украдкой кивнула им и, как побитая собачонка, побежала вслед за своим хозяином.

Дома Павел достал комплект постельного белья, бросил его на диван, кивнув при этом Фиске, мол, это тебе, и пошел в ванную. После контрастного душа ему стало немного легче. А утром, как следует выбрившись и приняв ванну, он снова почувствовал себя человеком. Если бы еще не эта замухрышка, спавшая на диване... Фиска проснулась, но лежала молча, явно боялась рот открыть, только поглядывала на него своими черными глазками. И правильно делала, что молчала.

– Вечером поедешь домой, я куплю тебе билет на десять часов.

– Нет, – твердо заявила она, – я домой не поеду, нельзя. Смеяться будут, вышла замуж, а муж домой отправил. Нет, не поеду.

– Ты не вышла замуж, это была просто пьянка. Как хочешь, но со мной тебе оставаться нельзя, у меня есть девушка.

Фискины глаза наполнились слезами. Пашка плюнул и не стал больше спорить.

– Будешь уходить, дверь захлопнешь, – он надеялся, что ей хватит ума найти себе какое-нибудь жилье, уйти и больше никогда не возвращаться сюда, но все же швырнул ключи на стол и ушел на работу.

После работы зашел в магазин, надо же заполнить холодильник, утром ему есть еще не хотелось, а обедать сегодня было некогда, много дел скопилось, и он к вечеру здорово проголодался. Как всегда, набрал всякой всячины на две недели, чтобы не думать об этом каждый день. Прихватил пару килограммов бананов (он из всех фруктов любил только эти) и коробку мороженого. Обычно мужики берут пиво и крабовые палочки, а он получает удовольствие от мороженого... Напевая, открыл свою дверь, сразу прошел на кухню и остолбенел, увидев Фиску. Почему-то он был уверен, что вечером ее здесь не будет.

– Ты еще здесь? О, Господи...

Он принялся разбирать пакеты с продуктами.

– Да ты вообще выходила сегодня?

– Нет...

– Я же тебе сказал – ищи себе жилье, со мной ты жить не будешь.

– Я не знаю, как... И у меня нет денег, – Фиска вспыхнула.

– Вот черт... Что, совсем нет?

– Совсем... – от смущения она не поднимала головы.

– А ты что-нибудь ела сегодня? – вдруг спохватился он.

– Да там оставалось немного домашней еды, мясо только пропало. Ничего, мне хватило, я привыкла, это мальчикам надо много есть. А я могу потерпеть...

«Ну да, если мальчика плохо кормить – он умрет, а если девочку – то она вырастет вот таким заморышем», – вспомнил Павел.

– Давай, ставь чайник, будем ужинать. Разбирай пакеты... – и, оставив ее одну на кухне, пошел в ванную.

– Павлик, иди ужинать, – вскоре позвала его Фиска.

Прямо как жена...

– Что это у тебя за имя такое смешное?

– Татарское, Нафиса, – Фиска, обрадовалась, что он с ней заговорил.

– Красиво... Не то что Фиска.

– Привыкла, все так зовут.

– Так денег нет вообще? – вспомнил Павел.

– Нету, – поспешно кивнула она.

– Ни копейки? – все не верилось ему, такое он и представить себе не мог.

Она опять кивнула.

Вот овца, не спроси он, так и сидела бы молча... Павел бросил на стол несколько купюр:

– Вот, если надо, бери...

– Спасибо.

– Фиска, а ты что же мороженое не убрала в морозилку? Растает ведь. Давай сразу его съедим, доставай креманки. Соскучился я за неделю без мороженого

Фиска растерянно стояла перед открытым шкафом.

– Креманки – это маленькие вазочки на ножках, или скорее большие бокалы. Вот эти.

Поняла? Любишь мороженое?

– Наверное... Я его редко ела...

– Почему? Не нравится?

– Дорого.

– Да?! А я его каждый день ем. Ну давай, наверстывай упущенное.

Фиска робко ела свою порцию.

– Ты чего так вяло?

- Столько денег на меня тратишь...
- Каких денег? – удивился Пашка, обычно его подружки не стеснялись в своих запросах.
- Ну вот, на мороженое...
- Святая простота...

Попозже позвонила Лена:

- Павлуха, скотина, ты куда пропал? Я что, должна сама тебе звонить?
- Привет, Ленуся, ласковая моя. Я уезжал, вчера только вернулся.
- И со вчерашнего дня молчишь? Тебе нет прощения, я же говорю – скотина. Но все равно я тебя люблю. Я сейчас приеду.
- Давай. А, стой, нет, ко мне сейчас нельзя.
- В смысле?!
- Да у меня тут родственница приехала...
- И сколько ей лет?
- Какая разница? Ты что, ревнуешь?
- Что, я тебя не знаю, что ли? Ты же врешь, как всегда. Небось, там у тебя очередная мадонна сидит?
- Какое гнусное подозрение, ты же у меня единственная – таких ног в городе больше нет... Давай встретимся в твоей любимой «Шоколаднице». Кофейку попьем. Потом что-нибудь придумаем.

Вернулся Павел поздно – встреча с Ленкой прошла отлично. Фиса уже спала, съжилась под тонким одеяльцем, как мышонок. Он с насмешкой посмотрел на нее: надо же, недоросток, хотела его женить на себе...

С удовольствием растянулся на кровати: наконец-то снова почувствовал себя здоровым, последние пары спиртного выветрились. Фиска тихо посапывала на диване.

Нафиса

Она поняла, за что он ее стукнул в поезде: не за то, что хихикала с попутчиками, а за то, что пьяную болтовню о свадьбе хочет сделать правдой, за то, что поехала с ним. Она заранее знала, что так будет, но не было сил отказаться от миража счастья, на минуту приоткрывшегося ей.

Там, на сватовстве, как только Пашка вошел в душную, набитую людьми комнату, она сразу поняла – вот он, тот единственный, за которым можно и в огонь, и в воду. Ее сердце мгновенно наполнилось болью: она подумала, что это и есть жених Оли. А потом обрадовалась, поняв, что ошиблась, смотрела, не отрываясь на этого незнакомого парня. Как принц из сказки, именно такой, о котором она мечтала... Он был словно из другого мира, из того, где не было жуткой нищеты, вечно пьяного отца, где люди учатся в институтах, покупают дорогие костюмы, ходят в кино и ездят в поезде в купе, а не плацкартой. Такой милый и смешной: волновался, видно, все время приглаживал волосы на макушке. Он сел рядом, и она обалдела от счастья, сидела, тихонько втягивая носом аромат его парфюма. Подружка что-то шептала ей, а она не хотела отвечать, ее поглотило блаженное ощущение его близости. Не хотелось отвлекаться ни на какие разговоры, ведь он скоро уедет...

А когда дядя Коля заговорил о ней и Пашка не стал отказываться, признав, что она нравится ему, Фиска и правда поверила в свое счастье. А почему бы нет? Вот она же влюбилась в него в первую минуту, нет, в первую секунду, почему бы и ему не влюбиться так же в нее? Ах, ну зачем она обрезала волосы?! Из-за какой-то дуры чуть все не испортила... Никто не знал, что она так стриглась из-за учительницы русского и литературы, поначалу ее самой любимой учительницы. Нафиса обожала литературу, с удовольствием и много читала, вдохновенно писала школьные сочинения и, открыв рот, слушала Галину Анатольевну. Та столько знала о писателях, об их произведениях... Но однажды, уже в десятом классе, Фиска пришла в школу с распущенными волосами: густые, черные, они гладкой волной колыхались чуть ниже плеч. Ее поклонник с первого класса, конопатый Петька, не удержался и робко коснулся ее волос. Да и другие мальчишки явно любовались ими. Прозвенел звонок, в класс вошла учительница и мимоходом отметила внешний вид отдельных учеников: у кого-то мятая рубашка, кому-то не мешало бы постричься. «Да и девочкам тоже надо привести себя в порядок, а то некоторые напоминают сказочных героинь...» – повернулась она к Фиске. Петька сразу закричал: «Ага, русалочку...». «Нет, – твердо заявила Галина Анатольевна, – ведьму...». Все засмеялись. В тот же вечер Фиска сама себя постригла, обкромсала. Как могла. А на следующий день, успокоившись немного, с ужасом поняла, что так ходить невозможно. Пришлось идти в парикмахерскую, ровнять, получилась мальчишеская стрижка. И с тех пор, вот уже три года, она так и стрижется, непонятно, кому назло... И в Литературный институт не стала поступать, все равно, у матери денег не было ее учить. А Петька совсем спился, пропал парень...

Там, на сватовстве, мать через стол все смотрела на нее, и поняла, догадалась о Фискиных чувствах и горько вздохнула: ну вот, дочь влюбилась, и в кого... Ах, бедная моя... А потом дядя Коля так убежденно заговорил о свадьбе, что она тоже, как и сама Фиска, вдруг поверила, что такое возможно. Ну, она ведь тоже немного выпила, вот и решила, что будет свадьба, и поторопилась домой, принялась месить тесто для лапши.

Когда Пашка заснул за столом, Фиса помогла дяде Коле перетащить его на кровать и посидела рядом для верности, чтобы убедиться, что он точно спит, что не проснется сразу, как только она уйдет, и что никакая другая девчонка не займет ее место. И только потом побежала домой к матери. А та обняла ее и заплакала.

– Уедешь... Как я тут буду без тебя...

– Куда я уеду?! Мама, он же проспится завтра...

- Дочка, иди к нему, ложись рядом, скажешь, что спал с тобой...
- Мама!
- Да пусть хоть одной женщине водка поможет, столько несчастья от нее.
- Нет, мама, я так не могу, врать не буду.
- Ну не ври, тогда завтра надо снова его напоить, и езжай с ним. А как еще тебе отсюда выбраться? Пропадешь ведь здесь.
- Да он же выгонит меня...
- Такой хороший парень, не выгонит. Ну а если и выгонит, так уже в Москве... А ты скажешь, что тебе некуда идти, не выкинет же на улицу.
- Стыдно обманывать...
- Ну это же не совсем обман, ты же правда в него влюбилась?
- Влюбилась.
- А что, разве тут будет лучше? Выйдешь замуж за Петьку, он сейчас-то под заборами валяется, а дальше только хуже станет. На что тебе надеяться? Езжай в большой город, может быть, удача улыбнется тебе. Ступай, иди, ложись рядом с ним, охраняй.
- Мама, зачем ты месишь тесто? Не может быть никакой свадьбы-то. Сначала в загсе расписываются, потом свадьбу гуляют.
- Не мешай! Уж если другой свадьбы не будет – пусть такая, хотя бы люди будут думать, что мы тебя замуж выдали, что ты не просто так за парнем увязалась...
- Смешная ты, мама...
- Что я еще могу сделать для тебя? Ты у меня одна...

Фиска больше не стала спорить, вернулась в Олин дом, тихонько скользнула в боковую комнатку и прилегла рядом с Пашкой на кровать. Так и лежала рядом с ним без сна, а утром все равно устыдилась, ушла, когда он еще спал. Мать только вздохнула, увидев ее, она уже давно встала и продолжала готовить.

- Мама, да не будет свадьбы...
- Будет, как не быть? Отец барана зарезал.

Фиска даже ахнула.

- Да вы что!
- А, дочка, от этого барана не разбогатеет, а вдруг у тебя все получится.

И Фиска достала новую маечку и юбку, которые Оля привезла ей в подарок, чтобы подружка на свадьбе не выглядела совсем нищей. Рисунок на майке был нанесен с изнанки, а с лицевой стороны выглядел стертый – Оля сказала, что так модно. Юбка короткая, из жатой ткани. Фиска отказывалась от подарков, но Оля оборвала ее: «А разве ты не подарила бы мне одежду, если бы была богаче?» Конечно, подарила бы, но это «бы» никогда никуда не исчезнет. Почему так выходило, что их отцы пили вместе, но отец Оли всегда зарабатывал больше и подсобное хозяйство у них было крепким? Никогда не дохли гуси, коровы всегда были молочными, куры неслись. А у Фискиных родителей ничего не ладилось. Да вот их дом разве можно сравнить с Олиным? У Оли вон сколько гостей поместилось, человек двадцать, наверно. Даже больше... И все у них сделано удобно. А Фискин отец, когда строил, не думал, что и в его доме будет газ, потому сейчас газовый котел для отопления стоит в прихожей, а рядом ванна. Получается, чтобы попасть в дом, надо пройти через ванную комнату. Спасибо, конечно, директору совхоза, бесплатно провел им газ, пожалел Фискину мать, не зря она столько лет мыла пол в конторе. И не только котел бесплатно дал, но и газовую колонку и ванну.

И все у них в доме так же глупо сделано: из ванны попадаешь на кухню, узкую, полтора метра шириной, через нее в Фискину комнату, а потом в родительскую спальню. Если на кухне вся семья сидит за столом, то в комнату не пройдешь. Отец гордился тем, что у него спальня отдельная, а о том, что все остальные комнаты проходные, никогда не задумывался. Привык,

раньше-то, в старом домике, все было в одной комнате – и спальня, и кухня, и детская, там же и купались.

Фиска была в растерянности: родители дружно пытались выпроводить ее из дома с совершенно незнакомым человеком... Подруги тоже советовали: езжай, мы все хотим уехать отсюда, а тебе так повезло. Такой парень... И понимая, что так делать нельзя, что это нечестно, она все же решила уехать с ним, если получится. Надела свои обновы и пошла к соседям. Там сватовство уже выплеснулось во двор – в доме гости и свои спали вповалку, и хозяйка накрыла стол на улице. Теперь гуляли посреди двора, мухи вились над тарелками.

Фиска от самой калитки увидела Пашу и дальше шла, как по углям, боялась поднять на него глаза. Подошла, кто-то отодвинулся, и она села рядом. Все уже поверили, что они поженятся, и ей освободили законное место рядом с женихом. А Павел ничего не сказал. Она сидела молча, щеки у нее горели то ли от стыда, то ли от счастья. Потом все поднялись и пошли в ее двор. Мама молодец, такой стол накрыла, вся ее родня помогла – принесли и посуду, и угощение. А Пашка ничего не ел, даже не попробовал. На Фиску вовсе не смотрел, как будто не понимал, что это его свадьба. Гости начали кричать: «Горько!», – и Фиске пришлось первой подняться и потянуть за собой жениха.

– Ты меня поцеловала? Нам надо целоваться? Вот это арифметика... – пьяно удивился он. – Это я люблю, давай покажу еще разок, как я целую, вот так...

Он вновь наклонился к ней, попытался поцеловать, но не попал, скользнул губами по лицу, а все одобрительно зашумели. Фиска осторожно усадила его на место, Пашка тут же уткнулся ей в шею и тихонько захрапел. Она обняла и придерживала его рукой, как будто он и правда ее жених. Самый лучший в мире парень спал на глазах у всех в ее объятиях.

Потом отец отвез их к поезду, он такой водитель хороший, в любом состоянии доедет куда надо. Пашку завели и уложили на полку, а Фиска простилась со всеми и, как положено жене, села рядом с мужем охранять его сон. И всю ночь до утра просидела рядом, боялась, что он упадет, так сильно ворочался... Утром он совсем не возражал, что она едет с ним. Разозлился только тогда, когда она с попутчиками стала кроссворды разгадывать. Наверно, ему в самом деле не понравилось, как она смеялась... Ревнует, что ли? Значит, любит?... Ничего, что ударил, она потерпит, она будет ему хорошей женой.

Но разговаривать с ним Фиска боялась, так и молчала весь день.

В Москве он велел ей спать на диване. Может быть, так лучше? Надо хоть немного привыкнуть друг к другу... Утром убежал на работу, Нафиса посмотрела ему вслед из окна. Выглядел Павел плохо, бедный, все еще не отошел от пьянки... «Как же ты будешь работать, милый мой?» Ей было так жалко его...

Оставшись одна, Нафиса принялась наводить порядок в холостяцкой квартире Павла. Начала уборку с кухни и там, в нижнем ящике стола, наткнулась на стопку различных инструкций к бытовым приборам, старательно изучила все эти книжицы. Надо же, какие у него умные вещи! Особенно понравился телефон: может запомнить все, что ему скажут, сам дозвонится, если номер занят, и, как будильник разбудит хозяина. А стиральная машина! Чудо! Все сама делает, не надо ни полоскать, ни отжимать, вынимаешь из нее почти сухое белье, остается только погладить. И утюг классный, и даже гладильная доска. Фиска намучилась, пока поняла, как ее раскладывать, дома-то гладили на столе.

За два дня Фиса перестирала и перегладила все, что было можно. Отмыла кафельную плитку на кухне и в ванной, натерла стекла в окнах и зеркала. Красивый Пашин костюм, в котором он приезжал в село, она отчистила, на свадьбе пиджак немного испачкали. Хорошо, что она потом догадалась и отнесла его в другую комнату. А то бы в нем можно было только на папиной машине ездить. Интересно, зачем Павлу столько костюмов, полный шкаф, висят в два яруса, как в магазине. Она даже спросила у него об этом, а он засмеялся: «Я же работаю в солидной

фирме, надо одеваться соответствующе, это же просто, как арифметика! Как говорит наш шеф, сотрудники – лицо фирмы, должны всегда выглядеть безупречно».

– А почему у тебя только синие и серые костюмы? – не удержалась любопытная девчонка.

– Но они же все разные, а я люблю эти цвета. А тебе, что, не нравятся? – подозрительно спросил он.

– Ой, нравятся, нравятся, – заторопилась она. – Вот этот, в тонкую полосочку, самый красивый...

– Соображаешь... – удивился Павел. – Он и самый дорогой.

Пока Фиска занималась делами, неприятные мысли отступали, даже по дому меньше тосковала. Но к вечеру, приготовив ужин, она садилась у окна в ожидании Павла, и сердце ее замирало от страха. Ждала и боялась, как-то он поведет себя сегодня, не начнет ли снова выгонять. Хотя ей самой нестерпимо хотелось вернуться в родной поселок, но этим мыслям никак нельзя было поддаваться. Все ее подруги мечтают уехать оттуда, как же она там появится? Нельзя. Никогда не думала, что будет так скучать по родителям, по маленькому домишке, даже по собачонке Барсу.

Этот Барс такой забавный... У соседней собака была громадная, ростом с теленка. Отец тоже хотел себе такую, взял щенка от той же суки, назвал Барсом, хотя это и была сучка. Думал, псина вырастет большой и злой. Но собачка осталась маленькой и доброй. Несмотря на грозное имя, она весело бежала ко всем, приветливо махала хвостиком и танцевала на задних лапках. Отец громко ругался, вроде бы злился, но Нафиса не раз видела, как он, присев рядом с Барсом, трепал ее по холке и жаловался: «Только ты меня любишь, только ты меня понимаешь...» Действительно, собачка узнавала звук мотора его машины и всегда бежала к воротам, когда отец приезжал домой. Нигде такой сообразительной не встречала. Нафиса была уверена, что их Барс понимает человеческую речь. Однажды отец разделявал барана во дворе, а Нафиса и Барс стояли рядом, наблюдали. Окончив работу, отец повернулся к ним с окровавленным ножом в руке и сказал Барсу: «Так, теперь твоя очередь...» И собака поняла, она попятилась назад всеми четырьмя лапами. Нафиса впервые видела, чтобы собаки пятились. Она тут же схватила ее на руки и успокоила: «Не бойся, Барсик, папа шутит...» И отец тоже спохватился: «Барс, да ты что?! Поверила, глупая?» Жаль, что она не догадалась забрать Барса с собой... Выгуливала бы ее во дворе, вон тут сколько собак...

Временами тоска по дому становилась просто нестерпимой, и только когда Павел возвращался, Нафиса вздыхала с облегчением, рядом с ним она ни о чем и ни о ком не вспоминала и не жалела: этот малознакомый парень заменил ей сейчас весь мир.

Но он отнюдь не радовался, видя ее... Не разговаривал с ней, на вопросы отвечал сквозь зубы, не обращая на Фису внимания, названивал каким-то девушкам. А она боялась лишней раз заговорить с ним, слушала его телефонный треп с девчонками и молча страдала: ну зачем он так делает?! Неужели не видит, как она его любит? Прошло три недели. А потом Павел не выдержал, сказал, что хватит сидеть дома, пора устраиваться на работу. «Как ты можешь торчать здесь целые дни?» – удивлялся он. А ей тут было хорошо. Ах, если бы он полюбил ее! Тогда бы она могла прожить всю жизнь, не выходя из этой квартиры.

«А может быть, ему мало денег, не хватает на двоих того, что он зарабатывает?» – вдруг пришло ей в голову. Тогда что же она сидит, надо быстрее идти работать. И вскоре Нафиса нашла себе место продавщицы. Правда, ее взяли с испытательным сроком, и первую неделю она должна была работать бесплатно.

На работе она все делала механически, думала только о своем Паше. Хозяйка спрашивала ее: «О чем замечталась?» Нафиса не отвечала. Как ей скажешь, что она каждую минутку считает, ждет, когда же наконец увидится с ним. Хоть бы он сегодня сразу пришел домой... Она понимала, что он задерживается с девушками, он же мужчина, наверно, не может без жен-

щины... Павлу она не стала говорить о своей работе, побоялась. Вдруг скажет: «Раз ты работаешь – уходи отсюда, больше тебе моя помощь не нужна».

Павел

После отпуска вышел на работу Антон. Кинулся к Павлу, словно ни в чем не был виноват: – Паша, привет! Ну, как семейная жизнь, как супруга? – он говорил громко, будто специально, чтобы все услышали.

– Паша, ты женился?! Что же ты молчишь? – сразу заинтересовались сотрудники.

Пашка отбросил руку Антона и проворчал сквозь зубы:

– Не женился и не собираюсь, это идиотские шуточки Антона, – он справедливо полагал, что все произошло с молчаливого одобрения друга, и не простил ему этого.

Тот все еще попытался со смехом расспросить о Фиске, но Пашка оборвал, он злился нешуточно и так просто сносить дурацкие выходки друга не собирался. Вскоре после этого Антон уехал в Самару. А у Павла все оставалось по-прежнему: работа, подруги, а дома торчала эта Фиска. Вечно что-то готовила, пыталась его накормить, а зачем ему это? Поест можно где угодно и что угодно, а вот посторонний человек в квартире – это его нешуточно раздражало, хоть ночуй в офисе. В результате Павел, можно сказать, уступил нахальной постоялице свою квартиру, он почти не жил дома, приходил поздно, если вообще приходил, уходил рано. Как-то вечером в подъезде его перехватила соседка:

– Пашенька, ты женился?

– Нет, тетя Аня, с чего вы взяли?

– Так девушка эта твоя, черненькая такая, говорит, что твоя жена.

– Девушкам лишь бы болтать...

Ну, достала... Пашка взлетел на свой этаж:

– Фиска, это что еще за разговоры?! – с порога начал он. – Я тебя спрашиваю, чего молчишь?

Фиска испуганно смотрела на него.

– Какие разговоры?

– Какой я тебе муж? Ты что тут во дворе болтаешь?

– Да я никому не говорила, просто в магазине сказала, что муж любит рыбу, я не видела, что там эта соседка была... Это она меня неправильно поняла...

– Ты идиотка или притворяешься?

Врезать бы ей от души, так ведь потом костей не соберешь, доходяга...

После отъезда Антона Павлу прибавилось дел. Его шеф Чумаков Федор Николаевич своим сотрудникам не давал передышку. У него и раньше было – не покуришь, а в последнее время и вовсе столько работы навалилось. Павел сидел за компьютером, не вставая. Но и при такой запарке он успевал поглядывать на женщин: такие кадры трудились рядом, что просто пальчики оближешь. Вон у шефа появилась новая секретарша, Ирина, потрясающая девушка, мадонна. Она сразу заинтересовала его, но Павел видел, что шеф сам не прочь развлечься с этой девицей, и потому не рискнул ухаживать за ней. Шефа он откровенно побаивался, мужик этот был явно с криминальным прошлым. У него и внешность типичного мафиози: лысый здоровяк, челюсть, как у бульдога, глазки маленькие и фамилия подходящая – Чумаков. К тому же у Федора Николаевича два охранника, всегда рядом, сидят в приемной, как сторожевые псы. Оба внешне похожи на своего хозяина. Эти убьют и глазом не моргнут. И вообще, чем больше он тут работал, тем отчетливее понимал: то, чем здесь занимаются официально, – лишь надводная часть айсберга, а под темной водой скрыто очень многое, и явно противозаконное. Пожалуй, надо согласиться на новое предложение, перейти в российский филиал американской авиационной компании. Пусть он сначала чуть-чуть потеряет в зарплате, но там меньше нарушений закона, и к тому же у него будет больше возможностей для карьерного роста. Перспективы перед ним открывались большие.

И он дал согласие на переход. Чумаков, узнав о его заявлении, недовольно скривился, он не любил, когда люди уходили сами. Впрочем, увольнять сотрудников шеф тоже не любил: зачем давать кому-то повод копить обиды и возможность рассказывать о делах фирмы? Лучший вариант расставания – это смерть. Покойник лишнего не скажет, и опять же никаких там пособий, пенсий, выплат. Венок купил, и все, свободен. Но времена сейчас пришли другие, и потому он не стал удерживать Пашку: «Черт с тобой, иди, другой на твое место найдется, но если рот откроешь – зарю». Пашка все отлично понял: кажется, он уходит отсюда вовремя. Перетрусил, конечно, здорово, только тогда вздохнул с облегчением, когда благополучно приступил к работе на новом месте – вроде пронесло. Все эти проблемы захватили его настолько, что какое-то время было не до Фиски: живет и живет, пусть ее. Но в конце концов не выдержал:

– Если ты не хочешь ехать домой – устраивайся на работу, ищи квартиру, больше ты не можешь жить здесь, у меня своя личная жизнь, ты мне мешаешь. Понятна такая арифметика?

– Понятна... – Фиса все выслушала, не поднимая глаз, не возражая и не споря, но и не признаваясь, что уже работает.

– Что ты можешь делать? Ты где-нибудь училась?

– В школе.

– А чем занималась после школы?

– Немного в магазине работала.

– Продавщицей, что ли? Чего же ты тогда ждешь? Продавцы всегда требуются, на дверях магазинов объявления наклеены. Устроишься на работу – ищи жилье. Это же элементарная арифметика...

Она молчала, потупив черные глаза.

А ночью Павел проснулся. Кто-то тихонько ворочался рядом с ним. Протянул руку – Фиска.

– Ты что это придумала? Марш на диван, соблазнительница...

– Я замерзла... – она прижалась к нему горячим телом, трепеща и вздрагивая.

– Ты заболела? – испугался Павел – даже сквозь ночную рубашку он почувствовал жар ее тела.

Протянул руку проверить и сразу ощутил гладкую горячую кожу – ее рубашка сбилась вверх. Провел рукой по бедру, она еще теснее прижалась к нему. Ну а дальше понятно, что случилось. Павел сам не понял, как это вышло, вроде бы она совершенно не привлекала его, а вот... не удержался... Он блаженно, расслабленно откинулся, а Фиска лихорадочно шептала:

– Ты самый лучший, Павлик, я люблю тебя... Какой ты красивый, я таких не видела еще... И умный... Мой муж – самый лучший мужчина!

После этих ее последних слов всю расслабленность у него как рукой сняло, вскочил, ушел на кухню. Да уж, умный... И как это он не стерпел? Чертова баба... Подловила. Вот сейчас он, пожалуй, выпил бы...

Когда Павел вернулся в комнату, Фиска уже лежала на диване. Павел молча лег на кровать. Утром он торопливо сбежал, боясь даже глянуть на нее. Вечер провел с Ленкой, думал остаться у нее на ночь, но они опять поссорились и пришлось вернуться домой. А ночью, вновь ощутив под рукой горячее тело Фисы, опять набросился на нее с поцелуями, и она отвечала ему с неистовой страстью, неожиданной в таком худеньком, узкокостном, хрупком, почти детском теле. И это стало повторяться с завидной регулярностью. По утрам он со стыдом вспоминал о бурной ночи, думал об этом, как о своем тайном пороке. Да, эта татарочка пробуждала в нем первобытный инстинкт, и все же он не любил ее.

Дима

Диме не хотелось разговаривать, он лежал, прикрыв глаза, а соседи по палате опять обсуждали свои болезни. Органическое поражение сердца, стеноз артерии, бляшки, тромбы, некроз сердечной мышцы, ее замена соединительной тканью... диагнозы, последствия... Короче, все то, что есть и у него и что сейчас стало его жизнью. Все эти медицинские термины достали... Сам уже мог бы проконсультировать больных... Как выражается их охранник – полный тухляк... Что такое не везет, и как с этим бороться...

Почему это досталось ему? Отец прожил до шестидесяти трех и был абсолютно здоров, не знал, как это – болит сердце, что такое головная боль. Если бы не несчастный случай прожил бы до восьмидесяти лет, как дед.

В палату заглянула женщина, лысый старик с соседней койки заметил ее и тут же пригласил:

– Заходите, заходите быстрее, а то скоро обход начнется, выгонят гостей. Дима, к тебе... Спишь, что ли?

– Не помешаю? – посетительница оглядела всех больных и прошла к Диминой кровати.

– А чего нам мешать? Мы только рады гостям, все веселей, хорошо, что не бросаете Дмитрия, а то он совсем скис.

– Ну, Петрович, что ты болтаешь? У меня все в порядке. Привет, Нина. Вы уж слишком меня балуете: вчера днем Аллочка прибежала, вечером Наталья Георгиевна заходила, просидела целый час, Петрович успел рассказать ей всю свою жизнь, теперь ты с утра пришла. Я смотрю, вся наша фирма практически переехала в больницу, дежурите около меня. А кто тогда работает? Мы еще не разорились?

– Нет, не разорились, но к тому идет. Ты же знаешь, Андрей слишком разговорчив, с каждым клиентом по часу болтает. Не хватает тебя, давай выздоравливай. И мы все скучаем... – она наклонила голову, чтобы скрыть наворачнувшиеся вдруг слезы. – Вот, я тут тебе принесла горяченького.

– Ну куда столько?

– А нехай носит, съедим, поможем тебе, – вмешался Петрович.

– Петрович, ты в каждую дырку затычка...

В палату заглянула медсестра:

– Обход, посетители освободите палату.

– Ну вот, что я говорил... – разочарованно протянул Петрович. – А вы там, в холле посидите полчаса, они быстро проходят, – ему было жаль отпускать посетительницу, в больнице мало развлечений.

– Нет-нет, ты, Нина, иди на работу, иногда они очень долго осматривают.

Женщина вышла, а Петрович неодобрительно посмотрел на Диму:

– Э-эх, что ты, Димка, такой нелюдимый? Такая хорошая баба, и не замужем, говоришь? Что же ты не женишься? Каждый день к тебе бегают. И готовит хорошо, вкусно. Я вижу, она к тебе неровно дышит.

– С чего ты взял? Просто сотрудница, столько лет рядом работаем, вместе дело начинали.

– Ну конечно, дело... Если у тебя другая есть, так и скажи. А мне понравилась эта Нинка, да и та молоденькая, Аллочка, шустрая такая, тоже ничего... Хоть на ней бы женился. Внимательная, в глазки тебе так и заглядывает. Что, тоже много лет рядом?

– Да нет, Аллочка всего второй год у нас работает.

– Ну что бы ни жениться на ней? Чего это бобылем жить? Потому и сердце у тебя болеть начало, мужикам нельзя по одному.

– Наоборот, Петрович, я не женюсь потому, что сердце большое.

За последний год он уже второй раз попал в больницу. Уж какая тут женитьба... И на работе постоянно аврал. Черт, столько дел, а он тут время теряет...

На этот раз Дима пролежал почти три недели, но подлечили его хорошо.

Нафиса

Наверно, она зря расстраивается, слыша, как Павел назначает свидания разным девушкам, этому надо радоваться: много – это лучше, чем одна, это все равно что никто. Ведь у него нет единственной, любимой, утешала себя Нафиса. Вот если бы он любил одну, тогда да... Тогда она была бы ему не нужна.

Павел не выгоняет ее, значит, она все же нравится ему. Один раз только или два велел уходить, но как-то так, несерьезно, необходимо... Почему только он сам никогда не попытается обнять, поцеловать ее? Нафиса подумала, а может быть, мать права? А может быть, только и надо, что переспать с Павлом и тогда он окончательно влюбится в нее? И она решила сделать первый шаг сама.

Вся дрожа от волнения и страха, ночью встала со своего диванчика и осторожно легла рядом с Павлом. Попыталась прикрыться краешком одеяла – не получилось... Вытянулась, затаив дыхание, боясь коснуться его и желая этого... Замерла, не зная, что делать дальше – то ли сбежать, пока он не проснулся, то ли повернуться, чтобы разбудить его?.. Она не успела решиться на что-то, а Павел повернулся к ней, словно только и ждал ее. И хотя сонно велел идти на диван, сам же, вопреки своим словам, сразу обнял, прижал к себе. Его руки стали бесстыдно ласкать, гладить ее тело. Она сначала хотела сбежать, испугалась того, что сейчас произойдет, а потом он так поцеловал ее, что она забыла обо всех своих сомнениях и страхах.

Маленькая Нафиса лежала придавленная тяжестью его руки и улыбалась в темноте от счастья – он ее любит... Ради этих минут можно было все вытерпеть. Какой же он хороший, и какое наслаждение доставляют его ласки... Да, для Павлика она готова сделать все, что угодно. И никогда не сможет полюбить другого.

Она все сделала правильно, он не выгнал ее из своей постели... Наверно, и сам уже полюбил ее, но не хотел в этом признаваться. Гордый. Мужчины не любят проигрывать, ему стыдно было оттого, что так долго сопротивлялся чувствам, выпроваживал ее из квартиры. Она все угадала, именно этого ему не хватало, теперь он будет только ее... Фиске хотелось так много сказать ему, но она не находила нужных слов...

– Павлик, ты самый лучший! – прошептала она.

И сразу почувствовала, что ему не понравились ее слова. Что его обидело? Павел вскочил и вышел из комнаты, а Нафиса почувствовала себя нашкодившим котенком. Быстренько шмыгнула на свое место, все еще надеясь, что он вернется и скажет: «Что это ты сбежала? Теперь твое место рядом со мной...» Но он лег и заснул.

На следующий день он пришел домой сразу после работы и приветливо разговаривал с ней, но и только... Все так же не делал никаких шагов к сближению, не обнял, не поцеловал, а Фиске так хотелось прижаться к нему. Павел уже привычно швырнул пиджак на стул – Фиска, повесь в шкаф... А она и рада была, от его вещей так приятно пахло... И рубашки она гладила лучше, чем в прачечной, Павлик сам это сказал. Она так старалась делать все хорошо.

Но в свою постель он ее так и не позвал, сразу стал похрапывать. Ночью она опять не выдержала и скользнула к нему под одеяло, ведь так трудно удержаться когда любимый рядом. Ей хотелось ощутить его тело, вновь испытать пьянящее чувство его близости... И он не возражал, спросонок обнял, прижал к себе... Опять любил ее так, как никто никогда никого не любил, она была уверена в этом. Подружки рассказывали ей, как это бывает, но ни одна не говорила, что это так сладко... И в следующую ночь, и потом... И каждый раз Фиска думала, что теперь-то уж, верно, он понял, что они созданы друг для друга.

Ирина

Ну вот, опять новое место работы, опять все то же самое: шеф, готовый в первую же минуту залезть ей под юбку, без конца трезвонящий телефон на столе, ксерокс и принтер. Сотрудники заходят в приемную бесцеремонно: подумаешь, секретарша... Каждому что-то нужно: то набери текст, то распечатай...

А этот высокий блондин с карими глазами очень даже ничего... Ей такие всегда нравились, и она ему тоже понравилась. Единственный из всех сотрудников, он сразу представился ей: Павел. Завел разговор о последней премьере. Она уже видела этот фильм, но не сказала, думала, сейчас пригласит. И пригласил бы, но тут из кабинета вышел Федор Николаевич, обошел стол, подошел сзади и на глазах у Павла положил ей руку на шею. Вот сволочь, понял, что парень перед ней рассыпается и продемонстрировал свои права. Ну ничего, лысый козел, женишься на мне, тогда я тебе все припомню...

Павел вышел из кабинета, Ирина начала записывать распоряжения шефа, словно не замечая его руки. А тот сначала поглаживал ей шейку, потом рука скользнула в вырез кофточки...

– Ах ты, моя прелесть... Пошли в кабинет.

– Федор Николаевич, вы что?!

– Да не ломайся, я тебя насквозь вижу. Ты же огонь и воду прошла, потому и взял к себе. Мне тут недотрога не нужна... Пошли, пошли, если мне понравится – добавлю зарплату... За особые заслуги перед фирмой.

– Федор Николаевич, вы ошибаетесь!

– Так, или через минуту ты будешь у меня в кабинете или чтобы духу твоего тут больше не было!.. Учти, зарплата будет вдвое больше, чем обещал.

Чумаков вышел из приемной, он не на шутку разозлился. Эта маленькая стерва пытается строить из себя девственницу! Сука! Сейчас он покажет ей ее место. Федор Николаевич не сомневался, его слова о зарплате резко пошатнут ее моральные устои, если таковые имеются.

Ира была в ярости, дать бы ему пощечину, но такая зарплата... Если бы она сейчас набралась сил и ушла, возможно, Чумаков тут же воспылал бы к ней страстью, стал уговаривать вернуться, согласился на все ее условия... И тогда можно было бы заставить его жениться! Но, скорее всего, он не пойдет за ней, а возмет себе другую цыпочку, вон на собеседовании очередь была... Она и не мечтала, что ей столько будут платить, такого места больше не найти. А мужики все одинаковые, другой и платить будет меньше, а требовать то же самое.

Рассуждая так, Ира подозревала, что вот эта ее жадность портит все дело. И все же она еще на что-то надеялась: ну у кого еще такие ноги, такой правильный носик, такие идеальные брови как у нее?

Чумаков не ошибся: через минуту Ирочка с блокнотом и ручкой вошла в кабинет:

– Вы меня звали?

– Звал, звал... Иди сюда, детка, поработаем... Дверь только закрой сначала.

Ирина повернула ключ в замке. Как же она ненавидела их всех! Если этот Чумаков не женится на ней, она убьет его, ей-Богу...

Павел

Увидев новую секретаршу шефа Павел просто обалдел: вот это девушка!

И когда в тот же день Ирина прошла мимо, Павел, словно зачарованный, не отрываясь следил за ней глазами. Ангел сошел с небес... Она его так поразила, что он сказал эту фразу вслух. Пожилая сотрудница неодобрительно посмотрела вслед Ирине.

– Как же, ангел... Знаю я ее, подруга моя вместе с ней работала. Стерва еще та.

– Зинаида Ивановна, побойтесь Бога! Такие ноги! А зубки, а волосы! Чудо, а вы говорите «стерва».

Павел словно в трансе продолжал смотреть на закрывшуюся за Ирой дверь.

– Моя подруга не ошибается, сказала – змея, значит, змея.

– Небось, ваша подруга некрасивая и старая...

Зинаида Ивановна огорченно махнула рукой:

– Конечно, старая, как я... И некрасивая... А с Ирой еще сам познакомишься.

«Я бы с удовольствием, и поближе, но похоже шефу это не понравится...» – подумал Павел. Он бы все равно не удержался, но тут ему предложили другую работу, и он уволился.

Павел никогда никуда не выходил с Фиской и старался без нужды никому не говорить о своей постоялице. Все так же вечерами разговаривал по телефону со своими многочисленными подругами, не стесняясь Фисы, назначал свидания и даже иной раз признавался в любви требовательной Ленке. Та могла и не согласиться на randevu, если он не убедит ее в своей постоянной и верной любви.

Как-то Фиска встретила его сияющая.

– Чего ты так веселишься? – удивился Паша, это было на нее не похоже – улыбаться без причины.

– Вот... – она указала на стену.

– Господи... – Павел, не отрывая глаз от стены, попятился и сел на диван.

Над его кроватью висела небольшая картина: фиолетовые кошки на фоне темного неба.

– Ну и кто тебя просил?

Фискина улыбка увяла.

– Я думала, тебе понравится... Стены такие голые. Сейчас сниму.

– Пускай уж висит... – ему вдруг тоже понравились дурацкие жирные коты с длинными усищами.

«Надо же, купила... Обустраивается, украшает гнездышко...» Картина осталась висеть.

С переходом на другое место он не прогадал, его оценили и уже через месяц повысили зарплату, так что он смог откладывать деньги для первого взноса на покупку машины. Потом предложили длительную стажировку в Америке. Здорово. Это даст ему столько плюсов – и в плане профессионального роста и языковой практики, да и для общего кругозора неплохо. А девушки в этой фирме работали – все, как манекенщицы. И к новому сотруднику явно благоволители. Все в жизни у него ладилось, что называется, был на взлете. Мешала только Фиска. Конечно, были и приятные моменты: она так им восхищалась, ей все нравилось, что бы он ни сделал. Правда, раздражали ее расспросы:

– Павлик, а где твои родители?

– Никого нет, я один.

– Как это? А где же они?

– Отец нас с матерью бросил, когда я совсем маленьким был, а мать умерла.

– Бедный мой... – она чуть не заплакала от жалости к Павлику. – Так это их квартира?

– Нет, мы жили в другом городе, эту квартиру я сам купил...

– Какой ты умный, Павлик, какой молодец! Такой молодой, и сам купил квартиру! Я думала, у меня таких знакомых никогда не будет – таких, которые могут покупать себе квартиры. Она же такая дорогая...

С Ленкой отношения шли на убыль, а для создания новых требовалась свободная квартира. Самому, что ли, найти жилье для татарки? Но и тут в конце концов все разрешилось. Как-то Павел попросил Фиску:

– Сходи в кино, погуляй, что ли, мне нужна квартира. Возьми деньги на билет...

Губы у той задрожали, но она покорно ушла, не взяв ни копейки.

Вскоре появилась его новая подруга, время пролетело незаметно. Девушка попалась разумная, на ночь не осталась, Пашка проводил ее до двери и спокойно заснул, совсем забыв о Фиске. А та все это время сидела во дворе на детской площадке, наблюдая за Пашкиным окном. На следующий день, вернувшись домой, Павел не застал своей постоялицы, большой Фискиной сумки тоже не было на месте. Ее ключи лежали на столе. Он почувствовал громадное облегчение, наконец исчезли это искушение и вечный укор. Свободен! Ура! Совесть его была чиста – он девчонку ни к чему не принуждал, не уговаривал, ничего не обещал. Более того, она должна быть ему благодарна за то, что позволял ей так долго жить у себя, кормил, давал денег, сколько ей было нужно. Правда, нужно ей было совсем мало. Ну, это дело ее, брала бы больше. Хороший урок он получил, спасибо, что все так закончилось. Нет, пить он никогда не будет, теперь его никто не заставит.

Павел с удовольствием прошелся по пустой квартире. Наконец он вновь почувствовал себя полновластным хозяином, теперь все было в порядке. Что называется, жизнь удалась! Он тут же позвонил вчерашней знакомой, вновь пригласил ее к себе.

Нафиса

Она сидела на детской площадке, обливаясь слезами. Ну что еще ему нужно? Неужели он найдет другую девушку, которая будет любить его так сильно, как она? Там, в степном селе, она отчаянно решилась на перемены в жизни... Не каждая отважилась бы поехать в никуда без копейки в кармане, без уверенности в своем спутнике. А уж то, как она залезла в постель к Павлу... Такого сама от себя не ожидала... И неизвестно, чего больше было в этом шаге – безумной любви или наивного расчета... «Уж это-то, – думала она, – все изменит». А если и не изменит... В ее жизни останутся восторг, упоение, с которыми она принимала его в себя...

В их отношениях все оставалось по-прежнему. Павел опять приходил очень поздно, и от него сильно пахло незнакомыми духами. «Это он прощается с той, другой девушкой, – каждый раз успокаивала себя Фиска. – Ему надо было сказать ей, что он больше не придет. Завтра вечером он останется дома, со мной». Но Пашка все уходил и уходил от нее. А потом и вовсе попросил Нафису погулять, пока у него будет гостя. Стоял, неловко смотрел в сторону, приглаживал свой хохолок...

Нафиса видела, когда ушла его подруга, но сразу в дом не пошла. Была уверена, что Павел выйдет ее искать, и хотела помучить его немного, сразу не отзываться, пусть поволнуется. Он все не шел, потом свет в окнах погас. Она тихо вошла и услышала его посапывание – любимый спокойно спал... В эту ночь она не легла рядом с ним.

Утром, когда Павел ушел на работу, Фиска собрала вещи, положила Пашины ключи на стол и со своей объемистой дорожной сумкой пошла на работу: хозяйка магазина как-то обмолвилась, что одинокая старушка в том же доме сдает комнату. Нафисе повезло, комната еще была свободна.

Нафиса работала. В магазинчике их было трое – две продавщицы и кассирша. Каждый день обязательно заглядывала хозяйка магазина – Оксана Николаевна. Она не любила заставлять девушек сидящими, требовала, чтобы они весь день прохаживались по магазину, бежали навстречу покупателям. А если покупателей не было, все равно сидеть было нельзя: «Работайте, поправляйте вещи на плечиках, меняйте костюмы на манекенах, подглаживайте смявшиеся юбки, и даже застирывайте испачканные покупателями воротнички блузок», – велела она. Помещение было небольшое, основная часть женских костюмов хранилась в подсобке. Там костюмы висели в три яруса, до самого потолка. Фиска не могла снять костюм уже и со второго яруса, а чтобы добраться до третьего, ей приходилось взбираться на стремянку и еще пользоваться длинной палкой с крючком. Таня, вторая продавщица, ленилась и, когда хозяйки не было в магазине, говорила покупателям, что их размера нет, лишь бы не взбираться на стремянку. А Фиска честно бегала в подсобку, лазила вверх – вниз, как альпинистка.

Каждый вечер она покупала себе булочку и кефир и шла к Пашиному дому, устраивалась на скамье среди кустов позади детской площадки и ждала его появления. Иной раз этот укромный уголок был занят целующейся парочкой, они застревали здесь надолго. Тогда Нафисе приходилось стоять за деревом. А иногда на скамье сидели алкаши, мужики быстренько разливали водку по пластиковым стаканчикам и разбежались – это были «свои» пьяницы, живущие в этом же доме. Сентябрь был дождливым, все время моросило. Нафиса стелила на мокрую скамейку принесенный с собой пакет, пряталась под зонтом, ела свой скудный ужин и ждала Павла. Сидеть на мокрой скамье было холодно. Но она забывала обо всем, когда из темноты арки стремительно появлялся он. Фиска в эти минуты переставала жевать, смотрела на своего ненаглядного, затаив дыхание. Павел быстро пробежал по освещенному тротуару и скрывался в подъезде. Но один он приходил редко, чаще в обнимку с какой-нибудь девушкой. Фиска уже знала в лицо всех его подруг.

– И что сидеть зря? Черного кобеля не отмоешь добела...

Фиса повернулась, какая-то женщина с собакой на поводке стояла рядом, смотрела вслед Паше.

– Тебе, тебе говорю... Ты же месяц почти ходишь сюда, сторожишь его. Вот дуры девки, влюбятся, лишь бы рожа была смазливая... И что в нем хорошего? Ни одной юбки не пропустит. Кобель, одним словом. Найди себе нормального парня, хватит тут вздыхать.

Фиска промолчала, как тут объяснишь, что никто больше не нужен, что ее душа осталась здесь. Она сама виновата в своем несчастье, нельзя начинать со лжи. И еще: насильно мил не будешь. Тетка-собачница ушла, и Нафиса тоже пошла к себе, но на следующий день все равно пришла, так хотелось увидеть Пашку, соскучилась по нему. А тетка уж поджидала ее, подошла, поздоровалась.

– Вон, смотри, твой опять с другой идет... Казанова хренов...

Потом Пашка стал приезжать на машине, он ставил ее на стоянку с другой стороны двора, и теперь Фиска из своего укрытия почти не видела его. Дни стали короче, она приходила во двор почти в полной темноте. Теперь ее визиты сюда не имели смысла, и все же она не могла удержаться.

В ноябре магазин закрылся на ремонт. Хозяйку судьба девушек-продавиц не беспокоила, она ничего не предложила им на это время. Зачем? Таких девиц много, эти уйдут – придут другие... Фиске пришлось снова искать работу.

За время службы в магазине она сдружилась с напарницей Таней, та решила устроиться официанткой в ресторан и позвала ее с собой.

– Там и покормят, и зарабатывать больше будем, пошли... – уговаривала она Нафису. – Жилье найдем поближе. На двоих дешевле.

Нафиса согласилась, все равно других вариантов не было. Облюбованный Таней ресторан находился далеко от дома Павла, да и работать там надо было вечерами, так что больше она не сможет прибегать в этот двор. Ну что же, наверно, это и к лучшему.

Вот так, впустую, ничем, закончился ее единственный роман. Она все поставила на эту карту – бросила дом, родных, друзей, рискнула, поехала в никуда с незнакомым человеком. Столько времени прожила с ним, даже отдавалась ему, но не смогла ни на йоту привязать к себе. Наверно, он и не заметил, что ее не стало рядом. А она забыть не может тех ночей, до сих пор снится, что он обнимает и целует ее. После таких снов она просыпалась счастливая, во сне ей казалось, что он любит ее и не жалела о том, что поехала с ним.

Павел

Павел наслаждался вновь обретенной свободой. Нет, никаких жен! А ведь Фиска не была ему женой, скорее прислуга, и то сильно мешала. Его быт и так отлично налажен. Загрузить носки в стиральную машину он может и сам, а то, что требовалось гладить, относил в прачечную. В соседнем супермаркете покупал полуфабрикаты и готовые блюда, пыль с полок и стола достаточно было стереть два – три раза в месяц, ну еще пропылесосить иногда. Это занимало немного времени. Зачем же жениться? Все что ему нужно было от женщин, он имел и так, причем в большом ассортименте. Хотя многие из девушек жаждали обслуживать его, просто рвались вымыть пол, пропылесосить ковер. Но он не допускал такого внедрения в свою жизнь, нет уж, спасибо... Он знает, стоит только расслабиться и какая-нибудь женщина тут же попытается свить гнездо в его квартире.

Павел вновь сошелся с Ленкой, сегодня она не ушла как обычно, задержалась до утра. Паша покосился на подругу: лежит голая, отбросив одеяло. Ни капли стыдливости... Но, хороша, зараза!

– Павлушка, давай поженимся...

– Что?! – Пашка даже сел на кровати.

Ленка потянулась, встала и прошлась нагая по комнате, она любила демонстрировать себя – такое тело можно показывать! Мадонна! Загар сплошной, кожа чистая, гладкая. Грудь идеальная, в меру полная, ни капельки не отвисает, небольшие кружки сосков. Афродита... Он залюбовался, несмотря на ее глупые слова.

– А что? Надо же тебе когда-нибудь жениться. Я тебе подхожу: у нас так много общего и в постели нам с тобой хорошо, и внешность у меня что надо. Чем не пара? А меня мать уже достала, пристает: когда замуж выйду?

– Нет, Ленок, это твои проблемы, я еще не созрел для таких отношений. Да и никогда не созрею. Ты же меня знаешь – я человек полигамный, с одной женщиной жить не смогу, это же ясная арифметика.

– А кто тебя заставляет? И я с одним мужиком не смогу.

– Нет, такого уговора не было. Жениться я не буду, нам с тобой и так неплохо.

– Не будешь? Ну и черт с тобой, не звони мне тогда больше! Ишь, нашел дуру, как только ему нужно: «Лена, ко мне!»

– Можно подумать, что тебе не нужно, – засмеялся он.

– Я люблю тебя... – неожиданно грустно сказала Лена.

Пашка вытянулся на кровати, заложил руки за голову и начал философствовать:

– Что ты называешь любовью? Любовь – это только взаимное сексуальное влечение, именно то, что происходит между нами... Не понимаю, зачем сюда приплетать что-то еще, все эти бредни о родстве душ и прочее... А разговоры о браке – это и вовсе из области чисто меркантильных интересов.

– Так для тебя любовь – только физическое влечение?

– Только не ври мне, что для тебя это что-то еще. Я в эту галиматью о неземных чувствах не верю. Все в итоге сводится к постели, и чем раньше это происходит, тем быстрее заканчивается любовь, а у человека появляется новый интерес.

– Есть же однолюбы...

– Я этого не могу понять, это так скучно... А может быть, у них с потенцией проблемы? Потому и боятся рисковать с разными девушками...

– Если я правильно тебя поняла, ты меня никогда не любил, было только сексуальное влечение. И поскольку ты не веришь в настоящую любовь и никогда ее не испытывал, то рассчитывать на взаимность мне вообще нечего?

– Умница, ты все точно сформулировала, просто, как арифметика.

– Не звони мне больше. Надоела твоя арифметика. Жаль, что я столько времени потратила на тебя...

Лена обиделась, ушла, хлопнув дверью. Пожалуй, надо было раньше расстаться, протянул с ней дольше, чем следовало. Хотя нет, ему ведь послезавтра выезжать в Бостон, так что сейчас не время завязывать новые знакомства, а с остальными его пассиями отношения и так сошли на нет. Вернется – тогда подумает, стоит ли возобновлять отношения с Леной.

Нафиса

Девушки сняли квартиру поближе к работе. Ресторан был японским, назывался «Котацу». Чтобы устроиться в него, русской Тане пришлось перекрасить волосы в черный цвет, а глаза у нее были подходящие, карие, стрелочки только подвела, и они стали выглядеть раскосыми. Нафисе и вовсе не потребовалось гримироваться, у нее лицо восточного типа, хотя глаза большие, но разрез не совсем европейский. Волосы черные, уже отрасли, и перед выходом на работу в ресторан она впервые за время жизни в Москве сходила в парикмахерскую. Новая прическа – каре – сильно изменила ее внешность, и Фиска с удовольствием поглядывала на себя в многочисленные ресторанные зеркала. Жаль, Павел не видит ее такой...

Нафиса ожидала, что им придется ходить в японских кимоно, но хозяину не нравилась дешевая стилизация, он решил одеть официанток в европейскую одежду, довольно строго: короткая черная юбка, белая блузка, кружевной фартучек и обязательно туфли на высоких шпильках. К внешности девушек он подходил очень требовательно: они должны принадлежать к монголоидной расе или походить на таковую и сложение иметь хрупкое, быть худенькими, невысокими. Такими ему представлялись идеальные японки. И Нафиса, и Таня подошли по всем статьям. Принимал их на работу сам хозяин ресторана, он же отвел их к старшему официанту – метрдотелю Хамиду.

Ресторан понравился Нафисе, у оформителя явно были вкус и чувство меры. Вход через круто изогнутый деревянный мостик, чтобы нечистая сила не вошла, – японцы верят, что злые духи ходят только по прямой. Счастливые, от нашей нечисти никакие мостики не спасут... Напротив входа на стене иероглифы, рядом та же надпись в английской транскрипции: «Okaerinasai». И перевод на русский: «Добро пожаловать». Меж окон – светильники, стилизованные под японские хижины, на полочках – японские неваляшки дарума-нингё, безрукие куклы с глазами без зрачков – для русского человека довольно жутковатое зрелище. По стенам развешаны картины, разумеется, с изображением горы Фудзи, копии работ разных японских художников. А на свободном пятачке для танцев – в полу под толстым стеклом подсвеченная картина: вид сверху все на ту же гору.

Колонны украшены табличками со стихами о Фудзияме. Написаны они были по-русски, непривычным, угловатым шрифтом, словно это не кириллица, а японские иероглифы. Читать их было трудно, буквы узнавались с трудом, но Нафиса разобрала:

*Лишь вершину Фудзи
Под собой не погребли
Молодые листья.*

Смогла прочесть только потому, что эти строки помнила со школы – она любила японскую поэзию и дома у нее остался сборник стихов.

Узбек Хамид, крупный, толстый мужик, выглядел очень представительно. Как Нафиса потом поняла, его габариты помогали в работе: в присутствии такого большого человека самые буйные посетители стихали. Хамид выглядел, как сама Фудзияма: величественный, невозмутимый и недоступный. Нафиса совсем оробела. Но как только он заговорил, все изменилось – этот толстяк оказался добродушным и терпеливым. Метрдотель провел с ними краткий инструктаж, повторил уже слышанные от директора требования:

– На работу, девчонки, всегда приходите накрашенными, прическа должна быть свежей, туфли только на шпильках. Сейчас пойдите примерьте форменную одежду, если надо – перешейте, все расходы вам будут компенсированы. С посетителями разговаривайте веж-

ливо, не забывайте говорить «спасибо», «пожалуйста», улыбайтесь почаще. Валюша, проследи за ними.

Валюша, русская девушка, так же с макияжем под японку, взяла над ними шефство. Ресторан был небольшой, раньше там управлялись три официантки – Валя Степанова, кореянка Люда Ким и калмычка Баира Бадмаева, но теперь открыли еще один зал и потому потребовались дополнительно две девушки.

– Работали в ресторанах?

– Нет...

– Ну хотя бы бывали?.. Ясно... Ничего, научитесь.

– А что означает «Котацу»? – не выдержала Нафиса.

– Любопытная... Вон, читай... – Валя махнула рукой в угол.

Там на стене Нафиса увидела рисунок тушью: семья японцев вокруг низкого столика, ноги у всех прикрыты одеялом, свисающим с него, и небольшой текст:

«В Японии принято для обогрева использовать котаци – электрическое одеяло. Прародителем нынешнего электрического котаци был небольшой очаг, над ним ставили низкий столик, который, как скатертью, накрывали толстым одеялом, а чтобы было удобно (и вообще возможно) ставить на него посуду и другие предметы, поверх одеяла клали толстую деревянную доску под размер столешницы. Вся семья садилась за стол, просовывали ноги под одеяло и подтыкали его за поясицу, чтобы тепло никуда не уходило. Таким образом японцы наслаждались теплом как физическим – от жаровни, так и духовным, – от единения с близкими. Котацу – якорь в гавани семейного спокойствия и тёплых во всех смыслах отношений».

– Понятно? Печка, короче, только японская. ... За той дверью маленький залик, и в нем такие столики японские, с грелками. Есть у нас такие любители, приходят, сидят там, яйца свои греют. – Нафиса вытаращила глаза: послышалось ей, что ли? – Ну, увидите сами. Пошли, все вам покажу. Вот это ваш буфет, отсюда берете фужеры, рюмки, стаканы

Валя объясняла спокойно, вела себя со своими подопечными по-дружески. Еще с неделю она держалась поближе к новеньким, продолжая следить за ними, всегда оказывалась рядом в трудную минуту, подсказывала, как накрывать стол, как подавать тарелки. Сразу продемонстрировала, как надо носить поднос на одной руке, куда его ставить и с какой стороны подходить к клиенту. Все вроде бы просто, но у Нафисы долго не получалось так ловко обращаться с подносом, первое время ей казалось, что этому вообще нельзя научиться. Она и двумя-то руками еле-еле его удерживала. Шла, не отрывая глаз от тарелок, боялась, что они соскользнут на пол. А еще Нафиса все время подходила к клиенту слева, но Валя тут же за руку незаметно оттащивала ее и подталкивала в другую сторону.

– Только справа от клиента... А вот когда ты с блюда что-либо накладываешь на тарелку, тогда слева надо стоять.

Но поначалу все было бесполезно. В первый рабочий день, вернее, рабочую ночь, Нафиса от волнения постоянно все путала и роняла. Время от времени к ней подходил Хамид, молча забирал полный поднос и нес к столу. Его большая крупная фигура легко скользила между столами, а худенькая Нафиса, то и дело задевая за стулья все время шептала: «Извините, извините...». Фиска снимала тарелки с подноса, расставляла их, а Хамид невозмутимо уходил, шел помогать Тане. К полуночи обе жутко устали. Нафисе все время хотелось уйти куда-нибудь в уголок и поплакать от беспомощности и бессилия, но смена никак не кончалась. Потом она не могла вспомнить во всех деталях этот свой первый день: все смешалось.

Так началась новая жизнь маленькой татарочки. Ей нравилось, что тут она не остается одна, некогда скучать – так меньше думалось о Павле. Она позволяла себе вспоминать о нем, лишь только тогда, когда ложилась в постель, и каждый раз ее сердце болезненно сжималось: «Как я соскучилась по тебе...»

Первое время Нафиса все силы тратила на то, чтобы ничего не уронить, ничего не перепутать, держалась скованно, от этого ступора не понимала шуточных намеков гостей. А потом освоилась. Уяснила, что где находится, кого как зовут, выучила все нехитрые правила. Вскоре лица постоянных клиентов примелькались, она даже запомнила, кто что обычно заказывает. Клиенты тоже стали узнавать проворную и приветливую официантку, называли ее то Анфисой, то просто Фисой.

Через месяц девушка уже порхала по залу с полным подносом на одной руке, держалась на высоченных каблучках так, словно с рождения ходила на таких шпильках. Она уже не задумывалась над тем, как сохранить равновесие, а поднос словно прилип к ее руке. И маленькая татарка из далекого, Богом забытого поселка, легко выговаривала названия японских блюд, они стали для нее такими же привычными, как и русские. Кухня в ресторане была смешанная: многие посетители брали японские блюда только из любопытства как экзотику, а те, кто постоянно приходил сюда обедать или ужинать, в основном предпочитали все же русскую еду.

Теперь Нафиса уже слышала и понимала, что говорят ей клиенты, а говорили всякое. Иногда очень недвусмысленно предлагали переспать. Нафиса краснела и бледнела. Она шараялась от таких посетителей, старалась реже подходить к «опасному» столу. Те же проблемы были и у Тани. Однажды Валя устроила новеньким «разбор полетов»:

– Девчонки, пора работать как следует. Вы что, не видите, что все чаевые – мои?

В ресторане было принято все полученные чаевые складывать в общую кучу, а потом делить на всех, в том числе и на Хамида.

– Что, я должна вас кормить? Знаете, почему мне больше дают чаевых? Да потому что я никогда не говорю «нет». По-вашему, я сплю со всеми? Этого от вас никто не требует. Но пока клиент не расплатился, надо улыбаться ему и соглашаться на все, потом как-нибудь отвертеться. Говорите, что сегодня не можете, что вас ждут или вы не здоровы, ну вы понимаете, о чем я. Короче, это ваши проблемы, только чаевые вы должны получать! Ничего с вами не случится, если немного поулыбаетесь клиентам. Вон сегодня я слышала, как толстяк за угловым столиком предлагал Нафисе подняться в номер. Чего ты сразу шарахнулась, трудно было сказать «приду» или «я подумаю», ну хотя бы «может быть, может быть»?

– Да ты что?! Не пойду я с ним! Как ты можешь такое говорить?! Он бессовестный, такой старый и такое предлагает...

– А если бы молодой предложил, то пошла бы?

– Ой, нет, конечно...

– Так чего тогда отказывалась? Соглашайся, пока не расплатился за ужин, а потом выкручивайся. Чаевые дают за то, что мы видим в них настоящих мужиков, ясно? Нужно потакать клиентам. Из-за вашей дурацкой гордости страдают все, и я в том числе. Почему я должна терять заработок? Дошло до вас, что чаевые – это наши общие деньги и нечего от них отказываться? Извинишься потом, и все... А уж если действительно пойдешь в номер, вот тогда дело твое, там плата особая.

И Нафиса научилась этому. Теперь она не краснела и не бледнела, слушая сальности, а ловко отшучивалась. Чаевых стала получать не меньше, чем Валюша.

– Нафиса, поднимемся в номер, – говорил какой-нибудь наглец, придерживая ее за руку.

– Ой, конечно, только извините, прямо сейчас не могу, видите, сколько посетителей?

У меня еще один столик не обслужен.

– Да мы быстро, пойдем, десять минут, и все, ты свободна.

– Меня уволят, если я на десять минут в самое горячее время уйду.

– Ну, на пять...

– Нет, не могу никак.

– Ну, на две минутки.

– А успеете? – лукаво спрашивала она, ловко уворачиваясь от нахальных рук.

И мужик, рассмеявшись, совал, уходя, хорошие чаевые, значит, не обиделся. Многие гости приходили в ресторан с охраной. Телохранители садились отдельно, за столик у входа. Они только ели, спиртного им не полагалось. И чаевых от них не дождешься, но к девушкам приставали не меньше хозяев.

– Нафиса, давай в баньку сходим? Тут есть такое шикарное местечко, настоящая парная, бассейн хороший.

– А чего это сразу с тобой? – возмутился его напарник. – Пошли со мной, Нафиса. Я этих бань столько знаю, карту Москвы по баням могу составить.

– Димон, ты чего девушку у меня отбиваешь? Я первый ее пригласил.

– Какая разница, Серега, кто первый? Девушка сама выберет, с кем пойдет. Она же тебе ничего еще не обещала. Нафиса, пошли со мной. Я за городом такое место знаю... У, там рыбалка знатная, костер, уха... И баня есть, настоящая, русская. Поехали... Давай завтра? Ты во сколько на работу идешь?

– Тебе что, давно морду не били? – всерьез злился Серега.

– Мы еще посмотрим, кто кому набьет!..

Нафиса еще не успела поменять им приборы, а мужики уже отодвигали стулья, готовые драться, забыв не только о своем подопечном, но и о предмете спора.

– Стоп, стоп, ребята. Я ни с кем из вас не собираюсь никуда ехать. Остыньте, ваш хозяин уже поглядывает сюда.

Она отошла. Может, они и хорошие ребята, только это не Пашка, ни один из них даже близко не похож на него.

Татарочка привыкла к бесконечным комплиментам. И привыкла считать себя хорошенькой, как-то очень быстро уверилась в этом. Конечно, понятно, что половину комплиментов она получает благодаря водке: известно ведь, стоит мужчинам выпить и все девушки кажутся красивыми.

– Нафиса, стой, не торопись, – этот постоянный гость сегодня перебрал, схватил ее руку, держит, не отпуская: – Прекрасная Нафиса, кого ты мне напоминаешь?

– Не знаю...

– Детка, поехали со мной...

Он продолжал удерживать ее руку, говорил, улыбаясь, а руку сжимал все сильнее и сильнее.

– Поехали, ты мне уже столько раз обещала, но все время одни отговорки.

– Я сейчас отпрошусь...

– Не надо со мной шутить... – он говорил уже откровенно угрожающе.

Нафиса растерялась, она еще не умела выкручиваться из таких ситуаций.

– Да-да, я сейчас...

Наконец она ускользнула, шмыгнула на кухню.

– Хамид, помоги мне, пожалуйста, этот Никита Сергеевич достал меня...

– Подумаешь, достал ее... Ну и сходи с ним наверх, тебя не убудет... – у Вали сегодня плохое настроение.

– Зачем ты так, Валюша? Тебя ведь никто не заставляет проявлять благосклонность, ты сама решаешь, как себя вести, что же ты Фиску гонишь?

– А нечего строить из себя недотрогу. Что, ты девочка до сих пор? Вот видишь, молчит. Так что пусть сама разбирается.

Нафиса готова была расплакаться: надо идти в зал, а там этот Никита Сергеевич сидит, глаз не спускает со служебного хода...

– Не волнуйся, я разберусь... – Хамид пошел в зал.

Он подошел к «проблемному» столу, что-то сказал клиенту. Нафиса увидела, как у того растерянно открылся рот и он обеспокоенно поглядел вокруг.

– Что ты ему сказал, Хамид?

– Сказал, что ты пришла отпрашиваться, но я не отпустил, мне не нужны неприятности. Сказал, что ты девушка одного криминального авторитета и что лучше не связываться с тобой, что один такой поклонник уже на том свете. Иди, работай.

– Спасибо.

Нафиса вытерла слезы, припудрила нос, вышла в зал. Поймала взгляд Никиты Сергеевича и огорченно пожала плечами: мол, ничего не могу поделать, меня не отпускают. Тот отвернулся. Подхватив полный поднос Нафиса понесла заказ к соседнему столику. Интеллигентный мужчина явно слышал диалог Нафисы и Никиты Сергеевича, заинтересовался и сейчас внимательно наблюдал за ними. Эх, были бы все посетители такие, как этот человек: он никогда не хамил, не лапал официанток и не говорил сальностей. Алексей Иванович приходил к ним ужинать только по пятницам.

– *Трепещут цветы,*

Но не гнется ветвь вишни... – произнес он вроде как про себя, когда Нафиса ставила перед ним тарелки.

– ...*Под гнетом ветра,* – машинально добавила она.

– О-о! А это:

Печальный аромат!

Цветицей сливы ветка... – и выжидающе замолчал, хотел, чтобы она продолжила.

Нафиса читала эту хайку, но точно процитировать не смогла:

– ...*В старческой руке.*

– Немного ты ошиблась – в морщинистой, а с другой стороны – это же перевод. Возможно, и так допустимо. Не ожидал, не ожидал...

– А почему бы нет? Ресторан-то японский.

– Японский, но в России...

Нафиса отошла, Алексей Иванович не любил, когда ему мешают ужинать, он всегда сидел в одиночестве, слушал музыку, наблюдал за танцующими парами. Иногда он засиживался допоздна, но чаще, поев, уходил. В этот вечер Нафиса обслуживала его как обычно, а он вроде больше не обращал на нее внимания, смотрел выступление профессиональных танцоров. Но когда она спросила, нести ли ему чай, вопреки обыкновению, попросил еще вина. Нафиса принесла. Алексей Иванович все так же, не глядя на нее, опять прочитал грустные строки:

– *Шесть десятков*

Прожито лет, но ни единой ночи...

– ...*Не танцевал,* – радостно закончила Нафиса.

– Ну вот, что значит молодость, даже эти строки у тебя звучат весело... А мне с трудом удается находить повод для веселья: годы... Помнишь это:

Снова зарница.

Даже ночью спрятать непросто

Свои морщины.

– Ну что вы так печально, и морщин у вас почти нет.

– Спасибо.

После этого вечера Алексей Иванович стал всегда садиться за ее столик. Молча, среди шумного зала, ел, не требовал особого внимания, и только иногда, когда Нафиса ставила перед ним тарелки, читал японские хайку, замолкая посередине строки и давая Нафисе возможность продолжить. А Нафиса специально, чтобы угодить хорошему клиенту, купила сборник классической японской поэзии и частенько листала его. Дело было не в чаевых, просто Алексей Иванович ей нравился – такой порядочный, симпатичный, хотя и седой, но еще довольно крепкий с виду... Он никогда не напивался и никогда не приставал к официанткам. И был единственным из всех ее знакомых, кто читал японские стихи. Нафисе очень приятно было говорить

с ним о том, что она любит. Ее восхищала двойственность восточной поэзии: ее недосказанность и в то же время точность выражений, глубокий смысл кратких строк... Утром в пятницу, листая дома сборник хайку, она гадала: прочитает ли он сегодня вечером эти же строки? Какого автора предпочтет на этот раз? Какое у него будет настроение? Эта игра доставляла ей удовольствие. Как-то она сама, раскладывая приборы перед Алексеем Ивановичем, продемонстрировала:

– *Луна сквозь дымку...*

Лягушки пруд замутили.

Где вода? Где небо?

Алексей Иванович с улыбкой прочитал в ответ:

– А вот это: *Старый пруд.*

Прыгнула в воду лягушка.

Всплеск в тишине.

– Удивительная нация, да? Даже лягушки у них выглядят в стихах поэтично, возвышенно... А как ты понимаешь это стихотворение? Что ты чувствуешь?

– Покой, умиротворенность.

– А лягушка?

– Она только подчеркивает тишину.

– А для меня лягушка – это ты, взбаламутила мой пруд...

Нафиса искренне радовалась ему, считала его своим единственным другом. С ним действительно было интересно поговорить, и он так внимательно относился к ней. Алексей Иванович беспокоился о ее будущем, все расспрашивал, чем она собирается заниматься в дальнейшем, и даже предложил свою помощь, но девушка отказалась.

– Ну что, лягушечка, неси еще вина. Сегодня я гуляю... – как-то сообщил он. —

Власть пью сакэ.

Листья кружатся...

Нафисе показалось, что тон его стихов несколько изменился, стал не таким печальным, как в начале их знакомства.

– У вас какое-нибудь событие?

– Ничего особенного... В моем возрасте чувствовать себя хорошо – уже праздник.

– Вы опять прибедняетесь.

– Только чуть-чуть, но мне приятно, что ты не соглашаешься со мной... Скажи, а когда у тебя выходной? Ты все время обслуживаешь меня, я хочу сам поухаживать за тобой, повести тебя в ресторан, конечно, не в этот...

Нафиса сразу испугалась: ну вот и все, опять то же самое...

– Ты чего насупилась? Только поедим, и я отвезу тебя домой, ничего больше... – угадал он. – Пойдем в японский ресторан, считай это стажировкой, учебным посещением. Посмотришь, как обслуживают в ресторанах классом выше. Ты всегда по пятницам работаешь?

– Я могу поменяться.

– Ну вот и отлично, в следующую пятницу встречаемся...

Нафиса подумала, что и правда, ей будет это полезно. И она пошла с ним в ресторан. Там внимательно смотрела, как обслуживают официантки, подмечала недостатки у них, а еще больше отмечала свои, то, чего не хватало в ее работе. И просто испытывала удовольствие: оказывается, это так приятно, когда другие исполняют твои желания... Она наслаждалась чудесным вечером.

– Нафиса, смотри, это спортсмены, конькобежцы, – Алексей Иванович обратил ее внимание на группу молодых людей, занявших соседний стол.

– Ой, я эту девушку видела вчера по телевизору, чемпионка мира. Она сломала ногу, полгода была в гипсе... Наверно заживает, раз сняли гипс...

– Да-да, я тоже читал о ней. Какой-то очень сложный перелом, несколько операций.

В это время девушка с костылем поднялась и проковыляла мимо них.

– Ты заметила, что одна нога у нее вдвое тоньше другой? Как ты считаешь, это у нее от рождения?

– Что вы?! Это же после перелома нога усохла.

– Правильно, в течение длительного времени больной ноге не давали никаких нагрузок, мышцы атрофировались. И это при том, что они были сильно развиты, так же, как сейчас на другой ноге, вернее, еще больше... Вторая ведь тоже полгода не получала полную нагрузку. А это спортсменка, одаренный человек, не каждый сможет вообще научиться стоять на коньках, а тем более показывать такие результаты... Что же было бы с ногой у рядового человека после такого перелома? Ты меня понимаешь?

– Ну да, наверное, нога еще сильнее похудела бы... – Нафиса недоумевала, почему Алексея Ивановича так заинтересовала эта спортсменка?

– Ты согласна, что без тренировок даже накачанные мышцы быстро теряют форму?

– Согласна...

– А вот теперь представь, что происходит с твоим мозгом. Ты нигде не училась после школы, то есть не тренировала свои мыслительные способности. И еще не факт, что они у тебя изначально были приличными...

Нафиса изумленно смотрела на него: неужели этот интеллигентный, вежливый человек привел ее в ресторан, чтобы оскорбить?

– Не обижайся, я просто наглядно показал тебе, что тренировки необходимы всем, даже если человек гениален в какой-либо области, все равно необходимо работать и работать. И это касается не только мышц, но и клеток головного мозга. Если он не работает, нарушаются нейронные связи, изначально заложенный потенциал сходит на нет. Возможно, уже сейчас мозг у тебя стал вдвое меньше, чем был, усох. Ты пойми, без регулярных тренировок он не останется таким, каким был изначально, в бездействии его клетки начинают отмирать. А ты бездельничаешь столько времени. Как может молодая девушка не давать пищу своему уму? Ты хочешь всю жизнь таскать подносы? Короче, моя дорогая, я думаю, что твои нынешние доходы позволяют тебе поступить на курсы хотя бы английского языка. Я проанализировал: сейчас без языка девушка карьеру не сделает. Так что в следующую пятницу расскажешь мне, куда ты поступила, и потом будешь регулярно отчитываться о своих успехах. Чем заняться тебе дальше – решим позже. Ну, что молчишь? Не ожидала такого нагоняя от меня? Вон смотри, эта девушка возвращается за свой столик, посмотри еще раз на ее ноги.

Это было все равно, что внезапно получить пинок в зад от друга. Нафиса была обижена, остаток вечера просидела надувшись, но на следующий день просмотрела объявления о курсах английского, нашла подходящее для себя и в пятницу на вопрос Алексея Ивановича ответила:

– Поступила...

– Тогда ты заслужила маленький подарочек... – он опустил в карман ее фартука коробочку.

– Ну что вы, зачем, не надо.

– Прекрати, ты же понимаешь – это подарок друга, а не клиента.

Нафиса в нетерпении поспешила в подсобку, ей не терпелось разглядеть украшение. Там вынула коробочку, с недоумением рассмотрела подарок – электронная записная книжка, мини-компьютер. Опять Алексей Иванович удивил ее. Ого! Инструкция толще самого прибора... Придется изучать.

Она усиленно занялась иностранным. По всем стенам съемной квартирки развесила листочки с английскими словами и русским переводом, даже в туалете на двери прилепила

скотчем страничку. Когда-то в школе учительница английского очень ее хвалила... Таня, сначала фыркала, даже злилась, видя такое увлечение подруги, потом смирилась, перестала обращать на это внимание. Времени для общения у них осталось меньше – Нафиса не пропускала ни одного занятия на курсах.

В отношениях Нафисы с Алексеем Ивановичем ничего не изменилось, он все так же регулярно ужинал в ресторане, урывками беседовал с нею. Каждый раз интересовался успехами в английском, он неплохо знал этот язык. И вскоре они стали разговаривать только на английском. Нафиса ужасно смущалась, отвечая в первый раз, а потом привыкла и с большим азартом стала пополнять словарный запас. Алексей Иванович тщательно следил за ее произношением. Теперь на русском языке они только читали друг другу короткие японские стихи, это была самая подходящая форма поэзии для кратких минут общения – садиться за столик клиента Нафисе было нельзя. Она наклонялась к нему, меняя тарелки, а он говорил, не глядя на нее:

– *Сегодня утром*

Тихонько упал на землю... – и словно по рассеянности замолчал.

– *...С дерева лист,* – заканчивала за него Нафиса.

И они переглядывались и оба улыбались при этом, довольные друг другом и собой. А со стороны иной раз трудно было понять, читают ли они стихи или просто перебросились словами о погоде.

Через полгода Нафиса смогла что-то ответить на английском иностранным туристам, тем очень понравилась англоговорящая официантка, и пока эта группа была в Москве, они каждый день приходили обедать в «Котацу» и требовали, чтобы обслуживала их Нафиса. Случайно это заметил директор ресторана, и на следующий день ей повысили зарплату. Нафиса благодарно не стала говорить об этом подруге, Тане бы такое не понравилось. Но поделиться с кем-нибудь этой радостной новостью очень хотелось, и она едва дождалась пятницы: не терпелось сообщить об этом своему единственному другу, Алексею Ивановичу, поблагодарить – ведь это была его заслуга.

Конечно, не все шло так гладко, случались и неприятности. Как-то в ресторане произошёл досадный инцидент. Валя отмечала свой день рождения. До открытия ресторана все работники собрались за столом, конечно, немного выпили. Нафиса раньше не пробовала таких напитков: белый коктейль, очень вкусный, сладкий. Пока его пьешь, не замечаешь крепости, но потом... Остальные девушки бегали как ни в чем не бывало, а вот Нафиса, что называется, поплыла. Она спохватилась – больше не ни глотка! Рабочий день ведь никто не отменял, ей пришлось обслуживать юбилей какой-то тетки. Гостей было немного, всего двенадцать человек, но заказывались самые лучшие блюда. Нафиса сновала вокруг их стола весь вечер, как челнок. Юбилярша требовала, чтобы официантка не отходила от них – или она по жизни была такой капризной, или ей просто хотелось продемонстрировать своим гостям, какая она крутая. В какой-то момент Нафиса не рассчитала, переставляя тарелки, подошла слишком близко к ней, и дама почувствовала исходящий от официантки запах спиртного. Она была возмущена: как эта девица посмела пьяной подойти к ее столу! Хамиду пришлось успокаивать клиентку, но та стала следить за каждым движением Нафисы. Ее спутник тоже засмотрелся на девушку, только совсем по-другому. Каждый раз, когда Нафиса приближалась к нему, он украдкой дотрагивался до нее: то словно невзначай ладонью проводил по ноге, то по спине. Разумеется, чем больше он пил, тем явственней становились эти ухаживания. В какой-то момент супруга заметила его вороватые движения и устроила Нафисе скандал.

– Шлюха! Пристаешь к чужим мужьям! – визжала толстуха.

Тетка аж задохнулась от злости. Нафиса убежала в подсобку в слезах. Девушки успокаивали ее, мол, не обращай внимания, но она расстроилась. Этот день вообще складывался неудачно. Официантки каждый раз, заходя на кухню, присаживались на минутку к накрытому в углу именинному столу, и вскоре Нафиса была самой трезвой. Особенно часто наливала себе

очередную рюмочку именинница, Хамид предостерегающе погрозил ей, но та «пошла вразнос». И немного позже последовало неизбежное: Валя, обслуживавшая тоже большую компанию за другим столом, несла полный поднос розеток с черной икрой, ее вдруг качнуло, рука дрогнула, и весь хрусталь посыпался на пол. Обычно поднос казался продолжением ее руки, она могла вертеть им, как угодно, ни одна тарелка не дрогнет, а тут такой конфуз! Валя с пьяным изумлением смотрела на кашу из стекла и черной икры.

– Что случилось? – растерянно произнесла она.

– Девка, залетела ты на крупную сумму, вот что случилось, – посочувствовал ей клиент.

– Да, не повезло, – согласилась Валя.

Нафиса ахнула, увидев смесь икры и стекла, но на кухне Валя беспечно махнула рукой на столик в зале:

– Ерунда, с них же и возьму... Они мне за все заплатят, – и засмеялась – она была пьяна.

И действительно взяла, все включила в счет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.